

Андрей Посняков

Варвар

Зов крови

Ведунская серия (АСТ)

Андрей Посняков

Зов крови

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Зов крови / А. А. Посняков — «АСТ», 2016 — (Ведунская серия (АСТ))

ISBN 978-5-17-097568-6

Миронов, в пятом веке – от южнорусских степей до Галлии – известный как князь Радомир, вынужден вновь вернуться в прошлое. Их род, их селения постигла злая участь – страшная эпидемия чумы, пришедшая с запада вместе с уходящими гуннами. Болезнь не щадит никого, и только князь и княгиня, как сакральные символы рода, могут остановить черную смерть, источник которой – проклятье Аттилы. Мертвый, он так же страшен, как и живой. Венец бургундов, дающий власть, тот, что правитель гуннов давно искал и обрел лишь перед самой смертью, необходимо вернуть, положить в его могилу... которую еще нужно отыскать. А чума свирепствует все сильнее, уже вымерла большая часть рода и некому хоронить умерших. Вся округа, леса, поля и степи дышат ужасной смертью, спасение от которой – в руках Радомира и бургундской девы Хильды.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097568-6

© Посняков А. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Посняков

Варвар

Зов крови

Глава 1

Лето. Где-то на юге России

Станица

«Привет участникам двадцать седьмого слета юных туристов» – растянутый кумачовый лозунг пожаром ударил в глаза. Рад зажмурился, потряс головой – исчезнет ли морок? Нет, не исчезал – все так же краснел на фоне светлого неба растянутый меж двумя березами баннер. «Привет...»

– Привет, привет, – довольно усмехнулся молодой человек.

Как ни странно, но особой радости он почему-то не чувствовал – душа не пела и сердце не ёкало, не рвалось из груди, и не хотелось обнять небо. Может быть, потому что все же еще не до конца верилось. Может быть, опять промахнулся, как в прошлый раз, когда, вернувшись из середины пятого века вовсе не в свое время, а в тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год, да еще не в свой мир, а в какой-то параллельный, где Лаврентий Павлович Берия вовсе не расстрелян, не враг народа и не английский шпион, а наоборот, – достойный член правительства, первый заместитель Маленкова. От этого, кстати, жизнь советских людей вовсе не ухудшилась, а даже лучше стала.

Рад, Родион, Радик... Радомир, как называли его там... в пятом веке, где Рад, в общем-то, оказался случайно, провалившись в болотную жижу во время таких же соревнований. Таких же... Этих же? Может, сюда же и вернулся? Может, его даже и искать не начали? Вроде как утро еще раннее, с ночного ориентирования далеко не все прибежали.

Молодой человек снова зажмурился: а вдруг все, что с ним случилось – сон? Как в старом фильме – упал, потерял сознание, очнулся – гипс. То есть не гипс – середина пятого века от Рождества Христова. Селение словен – они же склавины, анты – соседи готы... Еще и гунны, гепиды, военный поход, Аттіла... слава Господу, уже мертвый. Хильда... Конечно же – Хильда! Неужели и она привиделась? Законная венчанная супруга – юная готская дева (по отцу, как выяснилось, бургундка), голубоглазая красавица с длинными, цвета белого золота, волосами. Ее Родион видел в снах... как и она его. Еще до встречи. Так что же, действительно все привиделось? И не было ничего: ни великих битв, ни отчаянных схваток, ни верных друзей, ни Влекумера-жреца, ни... ни даже пятьдесят восьмого года с бежевой «Победой», на которой, кстати, и ушли... ушли в прошлое, а потом вырвались... Вот сейчас вот вырвались... наверное. Если было все... Радик вовсе не ощущал себя сейчас почти былинным героем и вождем – князем! – Радомиром, чье имя и чью судьбу столь удачно примерил. Он был сейчас тем, кем и являлся – молодым двадцатилетним парнем, заядлым туристом, шофером, недавно отслужившим в армии и приехавшим на туристский слет. Друзей посмотреть, себя показать. А тут какое-то болото... Вон, до сих пор вся одежда в тине!

Одежда?

Заляпанные в густо-зеленой болотной жиже штаны, узкие, шерстяные, поверх которых – кожаная оплетка обуви... Темно-зеленая рубаша, длинная и тяжелая, богато расшитая по вороту, манжетам и подолу, пояс... Обтянутые зеленым сафьяном ножны на перевязи, а в них – меч! Ну, конечно же – меч! Верный клинок по имени «Гром Победы», подарок названного

брatца Истра. Очень хороший меч, выполненный из нескольких видов металла, закаленный, с проступающим из глубины клинка, если подышать, рисунком... Гибкий, прочный, с углублением – долом – для крепости и легкости, а вовсе не для стока крови, как почему-то многие думают. Гарды, по сути, нет, лишь полукружье, зато щедро украшенная золотом рукоять. Цены такому мечу нет, оружие доброе, даже больше, чем оружие – друг! Гром Победы.

Вытащив клинок, Родион – князь Радомир! – поцеловал оружие и, убрав его обратно в ножны, обернулся на крик.

– Радо-м-и-и-и-ир! Ты где, милый? – Кричала-звала Хильда, красавица жена, любимая, ради которой... Господи, как хорошо, что все было! Есть...

– Я здесь, любя. Сейчас иду.

Оглянувшись на баннер, молодой человек быстро зашагал к болоту, где, за кустами, виднелась бежевая «Победа». На ней и ушли, а иначе – только с кровью. Как объяснял жрец Влекумер – та еще сволочуга! – переход требовал жертвы, крови. Человеческой, разумеется. А на хорошей скорости можно было уйти и так. Как вот они и ушли. Ушли... Наконец-то!

– Ах, ты ж моя краса! – подбежав, Рад обхватил супругу, поднял на руки, крепко целуя в губы.

– О, мой князь... – Хильда обняла мужа за шею. Так вот, вместе, они и повалились в траву, мягкую и густую, напоенную сладким запахом клевера и терпкостью растущих рядом кустов. Смородина, дрок, бузина? А может, малина?

– Родная моя...

Покрывая поцелуями нежную шею любимой, молодой человек снял с нее пояс, а затем и тунику... верхнюю... нижнюю... Тут же сбросил и свою, в траву, рядом, накрыл губами трепетную и упругую женскую грудь, утонул в голубых глазах, словно в озере... в море, в океане, провалился в сладострастную негу, из которой не хотелось выходить никогда, никогда, никогда...

Гибкие загорелые тела сплетались в густой зелени трав, в синем высоком небе радостно пели птицы... туда же улетали и души влюбленных, кружили над напоенной утренним солнцем землею, поднимаясь все выше и выше.

– Ах, – сладостно застонала Хильда, Радомир тоже выкрикнул что-то... непонятно, что... то ли крик, то ли стон...

Где-то рядом, в кустарнике, кто закашлялся. Потом громко чихнул.

В изнеможении раскинув в траве руки, красавица тихонько засмеялась. Рад же, вздрогнув, приподнялся на локте:

– Кто здесь?

– Туристы мы...

– Будьте здоровы.

– Вы бы это... – в кустах явно замялись, не зная, как и сказать.

Голос-то явно принадлежал человеку пожилому и, верно, тактичному, совестливому...

– У нас тут соревнования... Гать...

– А, гать! – Родион поспешно натянул одежду, похоже, мужичка-то этого он знал. – Так и мы тоже – туристы. У Валентиныча...

Михаил Валентиныч – он же просто Валентиныч, или совсем уж по-простому – дядя Миша – и был капитаном команды.

Одевшись, молодой человек шепнул: «Подожди, милая» – и быстро зашагал к кустам, за которыми виднелась недавно выкопанная траншея с положенными поперек нее бревнами и вдоль – жердинами – туристская полоса препятствия, именуемая «гать».

А седенький, в синем спортивном костюме, мужичок, был на этом этапе судьей и вот, видать, ждал команду. Как же его, блин... Олег Константинович? Или Константин Олегович?

– Здравствуйте, Олег Константинович!

– Константин Олегович. Здоров, брат! – мужичок протянул руку, сухую и жилистую, и несколько сконфуженно хмыкнул: – С женой тут или...так?

– С женой.

– Вот и славно.

– Константин Олегович, а я вас с Калуги помню. Шесть лет назад... я там еще с дерева в лужу упал – вот смеху было!

– Калуга? – судья прищурился. – Ну, как же, помню, помню... Только, кажется, там с дерева-то Радик падал, тоже из Валентиныча команды паренек. Ты на него, кстати, похож чем-то... немного, но... Есть что-то общее. Часом не родственник? Кстати, как Радик-то, навещаете его?

Молодой человек прикрыл глаза, стараясь не показать удивления – он пока еще не понимал, о чем идет речь. А потому дальше беседу продолжал осторожненько – навещаем, мол...

Навещаем... Интересно только – где? Что, они ему тут могилку уже успели выкопать? Рядом вот, на болоте.

– Да-а, – Константин Олегович сочувственно почмокал губами. – Вот уж не повезло парню, в такую жару – в больнице лежать. Как у него нога-то? Заживает? Правду говорят – перелом?

– Похоже на то, – озабоченно протянул Радик. – Мы вот с женой как раз сегодня его навестить собрались. Блин... не помню, сколько до райцентра примерно.

– Да километров двадцать, – охотно подсказал судья. – Вовку Михалыча из Чудского знаешь?

– Ну да! – вспомнив, радостно закивал молодой человек. – Длинный такой, с усами... Мы с ним года три назад за пивом ездили, в Марий Эл.

– Помню я Марий Эл, – собеседник улыбнулся. – Хорошо тогда провели все, и, главное, с погодой повезло.

– Машина-то у него та же – старый джип? Красная такая...

– Она. Новой еще не купил, говорит – и на этой неплохо, – судья вдруг замолчал и прислушался. – Ага, бегут уже.

– Ну, не буду мешать. Приятно поболтать было. Бывайте, Константин Олегович.

– И тебе того же. Радику привет.

Родион уже отошел на десяток шагов, когда Константин Олегович его окликнул:

– Вы это, поторопитесь с супругой своей – Вовка-то уже сейчас выезжает.

– Спасибо! А он по какой дороге?

– Да тут, недалече, – судья показал рукой. – Вон, по той тропке выйдете. Ой... – Вот только сейчас собеседник обратил внимание на странный наряд Рада. – Ты чего это так...

– А-а-а... к художке готовимся! Конкурс художественной самодеятельности в этом году – точно выиграем!

Константин Олегович хмыкнул:

– Ну, судя по костюмам – да. Это у вас национальный?

– Гм... можно сказать и так.

– Марийцы тоже в национальных, и эти, с Урала...

– «Кубинцы», что ли?

– Они.

Вообще-то, местечко называлась «Сива» – то ли городок, то ли поселок городского типа. Сива... Но все почему-то читали его по-латыни – Куба. Вот и прозвали тамошних туристов «кубинцами».

– А марийцы еще и бога своего с собой привезли, – крикнул вдогонку судья. – Целого идола. Вчера ему целую ночь молились, коньяком поили... Так что еще как посмотреть, кто завтра художку выиграет!

Оставив Хильду присматривать за «Победой», Родион пустился по указанной тропке бегом. Оно, конечно, можно было бы, и на «своей» машине съездить, да вдруг гаишники? Покажите-ка, мол, документики? А где документики? В «Победе», вестимо... техпаспорт... в пятьдесят четвертом году выданный. И владелец – МТС, вовсе не компания сотовой связи, а машинно-тракторная станция. Тем более, раз уж тут такая оказия – джип. Да и за супругу можно было не волноваться – что ей тут сделается-то? Местные сюда, к болоту, не ходят, а туристы – народ незлобивый, мирный.

– Только ты побыстрее, милый, – прощаясь, крикнула Хильда.

– Постараюсь. А ты не скучай, можешь даже вздремнуть пока.

– Милый... – Юная супруга вскинула брови. – А мы... мы там, где надо? В твоём племени? Не как в прошлый раз?

– Вот это-то я и хочу выяснить.

Кроме усатого и длинного Вовки Михалыча, в красном джипе еще уместилось двое парней и девушка, ну и Родиона взяли, едва стоило рукой махнуть.

– В райцентр?

– Туда.

– Радика навестить не подбросите?

– Мы и сами навестим, только потом к друзьям уедем, а в лагерь только завтра вернемся.

– Ничего. Уж до лагеря я как-нибудь доберусь – попутки ходят.

Молодой человек уселся на заднее сиденье, рядом с рыжей девицей в короткой – выше некуда – юбке:

– Ничего, не зажал?

– Сиди, сиди... Ты чего в таком прикиде-то?

– Художку репетировали. А сказали – Михалыч в райцентр едет, я и побежал... некогда было и переодеться.

– Да уж подождали бы, ладно, – обернулся из-за руля владелец джипа. – Прикид, конечно, да... Местные точно за артиста примут. Все девки твои, верно, Аллочка?

Рыжеволосая Аллочка томно засмеялась, едва не подавившись жвачкой – машину как раз тряхнуло на какой-то коряге.

– Ничего, ничего... – Родион тут же похлопал закашлявшуюся девушку по спине.

Аллочка благодарно кивнула:

– Спасибо.

И посмотрела на молодого человека уже более пристально:

– Тебя как звать-то?

– Ра... Роман.

– Ты, Ромик, на Радьку чем-то похож. Ну, ведь похож, верно?

Тут уже на Радомира выпялились и остальные, что молодого человека отнюдь не порадовало, хоть, конечно, его случайные попутчики вовсе не были древними людьми, подмечавшими все. Уж тех-то в подобных случаях не обманешь!

– Похож, да, – обернувшись, согласно кивнул сидевший на переднем сиденье парень, которого Рад видел и раньше, только вот, как зовут, не помнил. То ли Толик, то ли Шурик...

Рыженькая Аллочка хлопнула в ладоши:

– Вот! И Толик, заметил. Ага, значит, Толик все-таки... Девушка снова повернулась к Раду:

– Только ты, Ромик, конечно, повыше, в плечах шире... такой основательный, крепкий! Радьке до тебя далеко... Но... вот бороду тебе сбрить, да подстричься – похожи будете очень. Лица у вас у обоих такие... запоминающиеся. Только Радик, он более такой, наивный, что ли... Хоть и в армии успел послужить. Ой, как мы с ним три года назад зажигали! В Хосте, помните?

– И не в Хосте, а в Каньоне Дьявола, рядом с колхозом «Красный рассвет», – тут же поправил Рад.

– О, и ты там был? Что-то я тебя сразу не вспомнила!

Зато Родион вспомнил. Действительно, с этой вот рыжеволосой Аллочкой они и зажигали на дискотеке под открытым небом. Правда, дискотека не долго длилась – гром загремел, затем – ливень. Целовались уже в палатке, а до большего дело не дошло – слишком уж кругом людно было. Только вот эта Аллочка тогда блондинкой была... крашеной. И стрижка – в каре, а не как сейчас – по плечам волосы. Трудно узнать.

– Как хоть Радик-то не уберется? Ну, зачем он в это поганое болото полез? А там еще и яма, овраг...

– Наверное, путь хотел срезать.

– Вот и срезал. Теперь остаток лета – коту под хвост.

– Ничего, парень он молодой, крепкий. Быстро восстановится, еще в следующем году всех нас в «личке» сделает.

– А вот это – запросто!

По радио звучал какой-то сопливо гнусный шансон – никакой другой музыки местные FM-станции почему-то не передавали. По обеим сторонам шоссе проносились бескрайние поля, засеянные желтым подсолнухом и кукурузой. Кое-где поля прерывались бахчами, и тогда в открытые окна джипа врывался сладкий аромат дынь и арбузов. Пригревало солнышко, но еще не пекло. Шеренгами стоявшие вдоль дороги тополя приветливо шевелили кронами.

– Вон станица, – водитель кивнул на поворотку. – Говорят, когда-то и там больница была. Года два назад сократили.

– Какой-нибудь «Газпром» лучше бы сократили, – угрюмо буркнул Толик. – Или «Роснано»... Рос-пилнано... Вот как людям без больницы жить? Станица-то не маленькая, тысяча семь. Да еще хутора, деревни? А там ведь одни старики, где им до райцентра добраться.

– Хорошо хоть дорога есть.

– Да, дорога хорошая.

В этот момент позади раздался вдруг утробный рев сигнала, и мимо красного джипа Вовика Михалыча промчался черный лаковый внедорожник «Тойота – Лэнд Крузер».

– Вот сволота! – покачал головой Михалыч. – Я сто двадцать иду, а они... все сто пятьдесят. И куда так нестись?

– Главное – зачем? Ведь тут и торговцы на обочинах, и детишки на велосипедах.

– А давайте остановимся, чего-нибудь купим.

– Нет уж! – решительно возразил водитель. – Помню я, как по приезде коньяк купили. Так же вот, на обочине. Так я с того чертова коньяка... Так что терпите до магазина, девчонки!

Впереди уже показался райцентр, приехали – стандартные пятиэтажные домики времен брежневского социализма сменились сталинским псевдоклассицизмом с обсыпавшейся от времени штукатуркой.

– Районная администрация, – тоном профессионального экскурсовода пояснил Михалыч. – Бывший райком партии. Вон, еще и Ленин с протянутой рукой стоит, видите?

– Ой, точно!

– Где? Где Ленин?

– Проехали уже, Аллочка. Сейчас и больница.

Районный стационар располагался рядом с администрацией, на углу двух широких, усаженных разлапистыми каштанами, улиц. Высокий глухой забор, выкрашенный светло-желтой краской, распахнутые настежь ворота, за которыми виднелись обшарпанные от времени – тоже в сталинском стиле – постройки, как видно – отделения различного профиля. Главное же –

административное – здание было новым, трехэтажным, из стекла и бетона. Эдакий местный модерн.

Выйдя из джипа, туристы прикупили в приткнувшемся напротив регистратуры киоске синие бахилы и, натянув их на ноги, дружной толпой завалились в палату, благо идти было недалеко – травматологическое отделение располагалось здесь же, на втором этаже.

– Можно? – первой в палату заглянула Аллочка. И тут же обернулась. – Заходим, ребята! Не спит.

Сглотнув образовавшийся в горле ком, Рад вошел последним, скромненько встав за спинами посетителей. Глянул на лежавшего на койке парня с забинтованной ногой...

Словно в зеркало посмотрел.

Сомнений никаких не осталось. Он!

Точно – Миронов Родион Данилович, каким был и сам Радомир года два-три назад. Молодой, только что отслуживший в армии парень, подтянутый, крепкий, однако вовсе не такой мускулистый и сильный, как сейчас Рад. А помаши-ка мечом да секирой! Не такие еще мускулы нарастишь!

А в остальном все то же – одно лицо. Светлые, волной, волосы, карие глаза...

– А ты неплохо выглядишь, Радик. Нет, в самом деле неплохо! – присев на край койки, неумолчно щебетала Аллочка. – Короче, мы тут тебе кое-что принесли – как бы фрукты...

– Лучше как бы пивка притаранили, – ухмыльнулся больной.

Вовик с Толиком переглянулись и дружно хмыкнули:

– Уже! Вон, в пакетике четыре банки. Мы его под койку поставим. Врачи-то не отберут?

– Хэ! Пусть только попробуют.

Он! Он! Испытав недюжинный шок, Радомир осторожно покинул палату. Встал, опершись спиной о стену длинного коридора, вытер рукавом выступивший на лбу пот.

Странно все получалось. Он, Родион – вот, здесь стоит, у стены. А кто же тогда там, в палате? Тоже он? Получается, что так. Выходит, что тот лежащий с загипсованной ногой парень – и есть истинный Радик Миронов! Именно так все и считают, да и он сам... Спрашивается, а кто же тогда Радомир? Отражение, фантом, морок? Или, по-модному говоря – аватар?

Аватар, блин... Может, лучше сказать, тот, кто там в палате лежит – аватар? Да нет, пожалуй.

И что теперь делать?

Снова утерев пот, молодой человек опустился на стоявшую у стены лавку и неожиданно для себя улыбнулся. Ну, подумаешь – аватар?! И что с того? Что плохого, если вместо одного Радика Миронова будет два? Один – в палате со сломанной ногой, второй – прибыл в это время с женой Хильдой. И пусть до какого-то момента у них была одна и та же жизнь, одна и та же судьба... Пусть! А теперь жизнь и судьба у них разная!

И что с того? А ничего. Ничего плохого, наоборот – время-то значит именно то, что надо! Его, Рада, эпоха, в том никаких сомнений. Родной дом, куда так стремился. И пусть место в нем занято, но... можно присмотреть другое! Легализоваться – слава богу, не пятьдесят восьмой год, уж если там получилось... почти получилось... то здесь и подавно удастся! Справить документы – за деньги сейчас все можно, а деньги – дело наживное. Устроиться водителем или в автосервис – руки на месте, да и голова тоже. Из князей в шоферы? А почему бы и нет, раз уж так вышло?

Ничего, постепенно все наладится, и можно будет с Хильдой жить-поживать, тем более, готскую красавицу современная техника ничуть не пугала. Испугаешь ее, как же! Самого Аттилу не боялась, а уж тот-то был страшен, как тысячи гаджетов, вместе взятые. Да и в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году побывала, ко многому попривыкла...

– Ой, Ромик! Ты тут уже? – выйдя из палаты вместе со всеми, воскликнула Аллочка. – Нас ждешь?

Молодой человек с улыбкой пожал плечами:

– Да нет, вы же все равно до завтра в городе остаетесь.

– Что ж ты с Радькой-то...

– Так вот сейчас и зайду. Пообщаюсь подольше. Думаю – чего вам мешать?

– А-а-а...

– Спасибо, Михалыч, – подвез.

– Да ла-адно!

Простившись с туристами, Радомир еще некоторое время посидел на лавке, после чего в задумчивости спустился во двор. Новую жизнь им с Хильдой нужно было с чего-то начать. Нужны были деньги – хотя бы небольшие на первое время – шмотки, жилье... Ну, и само собой – документы, но это уже чуть позже.

Все будет! Родион был в этом уверен. И столь же уверенно посмотрел в небо, шурясь от яркого солнца.

– Ах, черт... – кто-то выругался рядом.

Молодой человек скосил глаза на возившегося со старой белой «четверкой» парня лет двадцати пяти в смешных старорежимных очках и светлой рубашке с закатанными рукавами. Худой, чуть сутулый шатен с вытянутым интеллигентным лицом, в общем-то, вполне приятным, но вовсе не из тех, что так нравятся женщинам. Им вообще редко нравятся такие вот астеничные – не от мира сего – очкарики.

– Черт! – парень снова выругался, затем, забравшись в кабину, с третьей попытки запустил двигатель, который почти сразу же и заглох.

Родион подошел ближе:

– А движок-то у вас троит!

– Что? – парень дернул головой.

Ну, точно, не от мира сего! Типичный интеллигент, можно сказать, рафинированный.

– Двигатель, говорю, троит, вот что. Свечки менять не пробовали?

– Свечки? Ах да... у меня есть запасные. Только вот я не... – Очкарик заметно смутился и сконфуженно заморгал.

– Так давайте, я помогу. Свечник у вас есть? Интеллигент еще больше сконфузился, замямлил:

– Вы знаете...

– Так вон, у мужиков со «скорой» спросите. – Родион кивнул на только что въехавшую во двор белую с красными крестами «Газель». – Может, у них есть?

– У Петровича? – явно обрадовался очкарик. – Да, у него должен быть.

Тут же и побежал, бросился, замахал руками:

– Иван Петрович! Петрович, эй!

Замена свечей зажигания ничего не дала – двигатель как троил, так и троил себе.

– Значит, не свечи, – глубокомысленно изрек Радик. – Подайте-ка отвертку да ключики... Трамблер посмотрю. Сейчас вот, сниму крышечку... Здесь подержите... Ага... Ну, точно трамблер! У вас тут уже почти все развалилось... Ничего, сейчас подправим, подчистим... Ну, вот... Заводите!

Двигатель довольно заурчал, и узкое лицо очкарика озарила радостная улыбка.

– Но новый трамблер все равно купите, – возвращая хозяину инструмент, посоветовал Родион.

– Да-да-да, обязательно, у нас в станице как раз автомагазин открылся. – Интеллигент засуетился, забегал вокруг машины, судя по виду, выпущенной где-то в конце девяностых. – Не знаю даже, как вас и благодарить...

– А вы сейчас обратно в станицу поедете? – пытливо осведомился Рад. – Подкинули б меня до лесополосы, у нас там соревнования.

– А-а-а! – очкарик во весь рот улыбнулся. – Так вы турист. То-то я и смотрю – одежда у вас такая... старинная.

– В художественной самодеятельности участвую, от нашей команды, – забираясь в салон, скромно пояснил молодой человек.

Прибавив газу, новый знакомый Родиона выехал со двора и ходко покатыл по тенистой улице.

– А можно, я окно побольше открою? – принявшись, попросил Рад. – А-то пахнет у вас... какой-то больницей.

– Больницей и пахнет! – покивал очкарик. – Вон у меня на заднем сиденье – и лекарства, и карболка, и бинты, даже хлорки мешок имеется!

Все это он перечислил таким тоном, словно бы даже хвастался.

– Нам бы еще пару капельниц да одноразовых шприцов коробку.

– А-а-а!!! – Родион хлопнул себя по лбу. – Так вы – врач?!

– Врач, – улыбнулся собеседник. – Точно по Чехову – сельский доктор. Поликлиника в станице у нас... небольшая, скорее, разросшийся ФАП.

– Что, извините, разросшийся?

– ФАП – фельдшерско-акушерский пункт, раньше-то и поликлиника была, и даже стационар... Все закрыли! Хорошо хоть койки дневного пребывания оставили, а то бы совсем – ложись да помирай.

Радомир посмотрел на собеседника с нескрываемым уважением: вот тебе и «чайник» в очках. Врач! Доктор. Да еще на селе, где каждый медицинский работник – и швец, и жнец, и на дуде игрец.

– Все так, как вы говорите, – расхохотался врач. – Я вообще-то инфекционист по специализации, а приходится и за терапевта, и за педиатра, и за травматолога. Ну, еще и заведующим – по совместительству. Два фельдшера у меня, четыре медсестры, санитарки, рентгенолог даже – пенсионер, но еще бодрый. Сейчас вот один фельдшер на курсах, другой – в отпуске, уж приходится покрутиться. Хотя, с другой стороны – и лето сейчас, народ меньше болеет... Ох, ты черт!

На одной из ям, из которых, собственно говоря, и состояла улица, машину сильно трянуло, так, что пассажир едва не ударился лбом о лобовое стекло.

«Идет охота на волков, идет охота, – хрипло запели динамики в автомобиле. – На серых хищников – матерых и щенков».

– О! Магнитола заработала, – обрадовался врач. – Вас, кстати, как зовут?

– Родион.

– А меня – Юрий... и, давайте на «ты», мы ведь вроде ровесники?

– Ну да, ну да, – охотно согласился Рад и, покосившись на магнитолу, спросил: – Смотрю, Высоцкого любите... любишь?

– Да уж. Отец его очень любил, ну и я вот слушаю. А вам... тебе не нравится?

– Очень даже нравится.

– И мне... Черт!!!

Доктор Юра снова выругался, на этот раз уже не из-за ям. Вылетевший слева черный «Лэнд Крузер», нахально подрезав докторскую «четверку», скрылся в каком-то дворе.

– И где только гаишники в этом городе? – все-таки ударившись о лобовое стекло, посетовал Рад. – Хотя, вообще-то, сам виноват, надо бы пристегнуться... Ой, ремень-то у тебя, Юрий...

– Да ты просто накинь... А гаишники этот джип не остановят – боятся. Теневая станичная власть, – доктор с видимым раздражением покривил губы. – Даже не теневая – просто власть, другой там, похоже, и нет.

– Бандиты, что ли?

– Можно и так сказать. А глава местной администрации у них за главного.

– Ага... пахан, значит.

– Тебе смешно, а по ночам в станице полный беспредел творится. Лучше на улицу не выходить... Ну, меня-то не трогают – врач все-таки, а вот молодежь... И как они еще в этот клуб ходят?

– Да уж, да уж, – поддержал беседу пассажир. – Беспредел – это уж совсем худо. Юрий пожал плечами:

– Ну, может, я и сгущаю краски. Вообще-то здесь у нас хорошо, раздолье. Речка, сады... фрукты. Чего только нет! Персики, абрикосы, вишни... И все, смею заметить, довольно дешево, уж куда дешевле, чем в городке. Ты-то сам откуда к нам?

– Издалека, с севера. Не один, с супругой вдвоем приехал. Думали – сначала на слет, а потом задержимся на недельку-другую – фруктов вволю поесть.

– Так и задержались бы, – усмехнулся врач. – А что? Или я тебя бандитами застрашал? Так вы ж в клуб на танцы не попретесь?

– Не, – Родион вздохнул. – На танцы – уж точно. Мы б и остались, да вот незадача – сумки с вещами в пути сперли. На заправке, скорее всего. А может, когда в речке купались. Машина у нас старая, можно сказать, антиквариат – «Победа»!

– Ого!

– Вещей-то не жалко, черт с ними, да и денег не так уж и много было. Вот документы...

– Так вы в полицию обратитесь. Так, на всякий случай.

– Обратились уже. Даже заявление написали – обещал помочь. Правда, дежурный предупредил, что быстро не будет. Неделя, может, и две... Не в вашей области дело-то было. Вот и ждем.

Доктор покачал головой:

– Две недели! Это чего ж так долго-то?

– Бюрократизм!

– Это не бюрократизм, это головотяпство со взломом какое-то! Две недели человеку ждать, пока вещи найдут!

– Говорю ж – в соседнем районе.

Обогнав груженный сеном «газон», доктор Юра озабоченно замолчал и вдруг улыбнулся:

– А ты вот что... Перебирайся-ка со своей супругой ко мне. Ну, на пару недель, а хочешь – так и до конца лета живите. Ну, или до конца вашего отпуска. Места у нас чудесные, опять же – фрукты. А воздух какой?

Чувствуешь, какой воздух? Да такой воздух только ложками есть! Нет, в самом деле, я серьезно! У меня дом при ФАПе, выделю вам роскошную комнату, пару коек вместе составим, уж чего-чего, а этого добра от старой больницы в избытке. Денег с вас не возьму – живите! Кормиться с огорода можете, да и так... уж хлеб с молоком всегда есть, да и мясо, бывает, принесут – я же все ж таки доктор.

Если честно, то именно ради этого Родион и завел разговор, даже не думая, что вот так повезет. Что называется, угадал с первого раза! Но, конечно же, вид сделал, что думает, голову почесал, изрек глубокомысленно:

– Даже не знаю. Как жена...

– Так с ней переговори и – милости прошу. ФАП вам в станице всякий покажет.

– М-м-м... мы, может, и вечером уже заявимся.

– Да хоть ночью! Буду только рад. Живу я одиноко, холостяком, да считай, целый день на работе, так что меня вы никак не стесните. Короче, Родион – не раздумывай даже.

Тормознув на повороте, доктор Юра высадил пассажира и, газанув, запыллил по проселку к станице. Туда же, куда свернул и быстро обогнавший «четверку» джип, тот самый черный «Лэнд Крузер».

Разувшись и свесив ноги, Хильда спала сладким сном на переднем сиденье «Победы». Видать, разморило девку. Немного подумав, Рад нарвал рядом, в траве, букет из васильков, колокольчиков да ромашек и, положив цветы на сиденье, пощекотал супружнице пятки.

– Эй, спящая красавица, проснись.

– Ум-м... – Хильда потянулась, красивая до невозможности, фея из снов. Распахнула голубые очи. – Ай, Что ты меня щекочешь?

– Вставай, милая, в селенье поедem. Я тут с одним хорошим человеком познакомился – у него пока и поживем... Черт! Аккумулятор-то... С толкача тут и не заведешь. Ладно, уж придется пешком, да тут и недалеко, километра четыре с гаком.

Оправив тунику, Хильда уселась на сиденье:

– А что за человек-то? Князь?

– Лекарь.

– А, навий, волхв! Такой же, наверное, выжига, как и недоброй памяти Влекумер?

– Что ты, милая, куда как лучше!

Супруги явились в станицу под вечер. А куда еще было идти, не оставаться же в туристском лагере – неведомо откуда неведомо кто. Родионом-то уж никак невозможно было назваться. Рад даже головой покачал на ходу, как только такое подумал. Прикинуться самим собой! Во, дожил...

ФАП отыскивали быстро – новое, обитое серым сайдингом здание с обширным двором и садом, а возле него – вытянутый, барачного типа, дом, вполне с виду добротный, вот только удобства, конечно, на улице – в украшенной резным узорочьем дощатой будке.

– Эй, вы к кому это? – увидав странно одетых незнакомых людей, выбежала с крыльца ФАПа дебелая бабка со шваброй наперевес.

Нянечка или уборщица... скорее, второе – стационара-то тут давно нет.

– Мы к доктору. – Радомир натянул на лицо самую приветливую улыбку.

– А доктор дома уже, отдыхает! Завтра на прием приходите. Вот и ходють, и ходють, и шлятся – отдохнуть человеку не дадут!

– А мы не на прим, бабуля, мы в гости. Юрий нас сам позвал.

– Глафира Федоровна, это ко мне! – распахнув окно барака, громко закричал доктор. – Проходите... Вы что пешком-то? Ты ж говорил, «Победа» у вас.

– Да аккумулятор подсел, а зарядить негде... Разве что завтра с тобой съездить?

– Так съездим, чего тут ехать-то? Да вы проходите, не стойте. Я как раз ужинать соби-рался. Вон, у крыльца рукомойник... Полотенце чистое я сейчас принесу.

Врач не обманул – выделил гостям большую и светлую комнату с другой стороны барака, даже с отдельным входом и почти новыми обоями в мелкий цветочек. Койки Родион с доктором принесли со склада, там же взяли и матрасы с подушками и даже разжились бельишком. И пусть все вышеназванное имело сильный больнично-сиротский запах, супруги заснули сразу, едва поужинав и поблагодарив хлебосольного хозяина.

– Приятных снов! – пожелал тот. – Я тут телевизор тихонечко включу или музыку... Ничего? Не помешаю?

– Да ладно тебе, нашел приверед! Так вот, под Высоцкого, и уснули:

Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть немного еще постою на краю!..

Утром проснулись от бьющего прямо в глаза солнца. Было уже часов десять или даже более того, и сквозь оконное стекло радостно синело небо. Росшие рядом с домом клены

шумели, создавая приятную тень, и Родион неожиданно улыбнулся, подумав, а не протянуть ли сквозь открытую форточку руку – сорвать носики-семена, да приклеить на нос спящей супруге. Интересно, проснется ли? Ишь, как сладко спит! Нет, пожалуй, лучше и не будить – пусть и дальше подушку плющит.

Встав, молодой человек подошел к окну, потянулся, потом прошелся по комнате, прочитав лежащую на столе записку.

«Чайник на кухне, яйца – в холодильнике. Хозяйствуйте.

Юрий».

Что ж, хозяйствовать, так хозяйствовать!

Поставив на газовую плиту чайник, Родион достал из холодильника масло и колбасу, сделал себе бутерброд и взял лежащую на буфете книжку – полюбопытствовать:

«...увеличивается число крыс в населенных пунктах. Их заражение чумой от сусликов ведет к возникновению вторичных очагов и вследствие этого к вспышкам бубонной чумы. По мере похолодания снижается индекс блох на крысах и заболеваемость чумой населения».

ТЬфу ты!

Рад закашлялся, едва не подавившись бутербродом. Ну, конечно – что еще может читать за завтраком сельский врач, тем более – инфекционист по специализации?

В коридоре вдруг слышались осторожные шаги, и на кухню заглянул хозяин. Увидев поднявшегося гостя, улыбнулся:

– Встали уже? А я вам одежду кой-какую принес. Не ходить же в концертных костюмах. Вот... не побрезгуйте. – С этими словами доктор поставил на табурет объемистый черный пакет.

– Вот спасибо! – искренне обрадовался Радик. – Нет, честное слово, просто не знаю, как и благодарить.

– Ну, что уж, – врач заметно сконфузился и принялся протирать очки.

Старые, застиранные до белизны, но еще вполне крепкие джинсы пришлось гостю впору, как и кроссовки, ну, а о безрукавке и говорить нечего. Точно такая же безрукавка и застиранные джинсики с дырками на коленках предназначались и для Хильды – Лидочки, как представил ее Родион.

– Пойду снесу, пусть примерит.

– Ну да, конечно, конечно. Уж не побрезгуйте...

– Ничего! Еще поносим, – обернувшись на пороге, молодой человек посмотрел на врача. – Слышь, Юра. У тебя там с подвеской беда. Я гляну... яма-то есть поблизости?

– Тут недалеко, я покажу, – еще больше сконфузился доктор. – Право же, неудобно, вы ж отдыхать приехали.

– И трамблер новый надо бы купить, поставить, – не обращая никакого внимания на его слова, напомнил Рад. – Ты говорил, тут автомагазин имеется?

– Да есть, – Юрий махнул рукой, – К вечеру ближе заедем, а сейчас у меня прием начинается, уж извини. Отдыхайте пока, покушайте. Можете к речке сходить. Да! Я вам деньги оставляю – хлеба в продмаге купите, а то вечером, боюсь, его и не будет уже. Народу сейчас полно – лето. Приезжие, дачники, опять же – ваши туристы.

– Хорошо, хорошо, купим.

Наскоро почаявничав, гостеприимный хозяин убежал в ФАП, Родион же отправился в свою комнату – пора было будить супругу. Впрочем, та уже проснулась и просто лежала, заложив за голову руки. Увидев мужа, прищурилась, заулыбалась:

– Ах, милый, и где ты пропадаешь?

Усевшись на койку, Родион чмокнул жену в щеку и протянул одежду:

– На-ко, одень.

– Что это? – удивленно-брезгливо хлопнула глазами красавица. – Порты какие-то.

– Ишь ты, порты. Одевай, одевай!

– Да они же рваные! Это что же я – нищая, в рубище-то ходить? А мое-то платье чем плохо?

– Тем, что здесь так не ходят, – негромко пояснил молодой человек. – А нам с тобой, милая, лучше пока не выделяться.

Хильда послушно кивнула:

– Так бы сразу и сказал.

– А от дырок мы сейчас, родная, избавимся, не переживай!

Схватив висевшие на вбитом в стенку гвозде ножницы, Родион не долго думая превратил джинсы в шорты:

– Вот! Теперь одевай!

– Ой... – девушка явно сконфузилась. – А здесь, правда, все так ходят?

– Все, все, можешь даже не сомневаться, – искренне заверил молодой человек. – Одевайся, да поедим. Да – уборная тут во дворе, за углом.

– Я знаю.

Хильда быстро оделась, и Рад, поглядев на нее, едва сдержал усмешку – в шортах и светло-желтой майке его милая женушка и вовсе не походила на знатную женщину. Обычная девчонка-дачница.

Вот только с обувью для нее было худо, точнее говоря – вообще никак. Что ж, можно пока и босиком походить – лето.

– Босиком, так босиком, – покладисто согласилась Хильда. – Все равно уж почти нагою хожу. Нет, тут, правда, все так? Помнится, в прошлый раз...

– В окно-то глянь, – Родион махнул рукой – мимо ФАПа как раз проходили девчонки лет по шестнадцати, длинноволосые, в коротких – по самое некуда – юбках и топиках.

– Ой... а тут и вообще голые! – готская красавица неодобрительно покачала головой. – Этак налетит ктонибудь, утащит.

– А может, они того и хотят?

– Эти-то? – Хильда рассмеялась. – Судя по виду – может!

Быстро позавтракав, молодые люди, исполняя наказ хозяина, доктора Юры, отправились в местный продмаг, что располагался не так уж и далеко, примерно в полкилометре. Честно говоря, Рад прогулялся бы и один, да супружница упростила взять с собой и ее – мол, скучно сидеть в одиночестве. Действительно – скучно.

У магазина уже толпилась очередь – человек двадцать: женщины, дети, кто с пластиковым пакетом, кто с кошелками, а кое-кто – и с рюкзаком.

– Михаловна, ты что же этаку котомку-то принесла?

– Так по хлеб.

– Вижу, что по хлеб. Другим-то и не достанется – все ведь укупишь!

– Та я немножко.

– Знаем мы твое «немножко»... Машину-то разгрузили уже?

– Та ни... Вон, кажись, едет.

Очередь, как по команде, замолкла. Все повернули головы и вытянули шеи, провожая крайне заинтересованными взглядами подъехавший к магазину голубой фургончик с надписью «ХЛЕБ».

Припарковав грузовик у крыльца, из кабины выпрыгнул молодой парень в красной баскетке и спортивных штанах с белыми лампасами – водитель и по совместительству – грузчик. Парень был явно местный, почти всем в очереди знакомый.

– Василий, батоны привез?

- Привез, привез.
- А сухари?
- Ты еще про сушки спроси, баба Маша! Что, зубы, что ли, выросли?

Стоявшая в очереди с большим рюкзаком седенькая старушка – баба Маша – отнюдь не обиделась, засмеялась даже.

Дождаясь окончания разгрузки, в очереди деятельно обсуждали последние станичные новости – сводили сплетни. Радомир к этим разговорам не прислушивался – думал о бежевой своей «Победе». О том, что хорошо бы ее, конечно, из болотины вытащить да какнибудь легализовать. А что? Машина, считай, почти новая... Только вот документы... Нет, вряд ли что с ней получится. А, с другой стороны, так вот, на болоте, бросать – жалко. Разберут! Рано или поздно – разберут, уж найдется, кому. Всякие там бомжи, мальчишки да и местные «справные хозяева» – куркули. Колеса – уж точно снимут, да и сиденья – два дивана, для дачи или там, летней кухни – в самый раз будет.

Водитель наконец разгрузился, упитанная – кровь с молоком – продавщица в грязно-голубом халате, не спеша, расписывалась в накладных, вызывая законное томление очереди. Некоторые особо нетерпеливые даже ее подгоняли, не стеснялись:

- Ты б побыстрее, Вера. Народ-то ждет!
- Подождет, – продавщица даже ухом не повела, огрызнулась. – Вас много, а я одна.
- Так ить это, Вера... автобус-то ждать не будеть.
- На вечернем уедете.
- Ишь! Не вечернем! А что тут до вечера делать-то?

Забрав бумаги, водитель забрался в кабину и запустил двигатель. Фургон, скрежетнув передачкой, отъехал, запылil по улице. Сквозь распахнутую настежь дверь очередь ломанулась в продмаг, оглашая окрестности веселыми воплями.

- Ай, баба Маша, на ногу-то не наступай!
- Ой, рука, рука, бабоньки-и-и-и!
- По ногам-то, как по асфальту!
- Уй-уй-уй...
- Да кто там визжит-то, как пороса?!
- Михаловне руку прищемили!
- Да дверь-то пошире откройте, откройте дверь-то!
- Ну, ё-мое!

– По три буханки в руки! – уперев руки в бока, важно предупредила продавщица. – Больше и не просите – не дам, а то опять жаловаться будете – не хватило!

– Да как же по три-то, Вера? – заволновалась очередь. – Как же по три-то? Это ж на два дня не хватит.

- Сказано – по три! А кому не нравится – в райцентр пушай ездит!
- Вера, ты тут одна, что ль, сегодня торгуешь?
- Сейчас Ленка в складу управится... Ленка! – обернувшись, утробным голосом позвала продавщица. – Да где ж ты, бисова душа! Скорее давай, на вторую кассу садись.
- Иду, иду, тетя Вера.

За прилавком показалась юная особа с крашеной желтой челкой и пунцовыми до невозможности губами а-ля «чрево Парижа». Усевшись за кассу, особа – по всей видимости, это и была та самая Ленка, которую позвали со склада, – минуты две прихорашивалась, взяв в руки круглое зеркало, после чего вальяжно махнула рукой:

- Подходите.

Духота в маленьком зале продмага стояла страшная, со всех – и с продавцов, и с покупателей – валил градом пот. Родион даже пораздовался – хорошо хоть, хватило ума оставить

Хильду на улице – пускай лучше там дожидается. А ведь недолго и ждать – перед Радом стояло всего-то пятеро.

Первые двое – белобрысая девчушка лет десяти и худосочный подросток в широких, с многочисленными карманами, шортах – очередь долго не задержали, купили хлеба да пепси-колы – только их в магазине и видели. Родион было обрадовался... да рано. Стоявшая за подростком старушка в цветастом платье явно никуда не спешила.

– Как дела-то, Ленушка? Гости-то уехали ли?

– Уехали. Чего тебе, баба Маша?

– Так ведь хлебца... три буханочки мне. И конфет... Какие помягче-то?

– Да вон, смотри...

– Вот эти, синенькие... они с черным внутри али с белым?

– Не знаю, баба Маша, не пробовала.

– А мягкие? Ладно, сто граммов мне взвесь... И вон тех, желтеньких, столько же. Ай, дрожжей не забудь – есть у вас дрожжи-то?

– С тебя, баба Маша, двести тридцать пять рублей сорок восемь копеек.

– Двести? Ай, ай...

– Давай, баба Маша, скорей, не задерживай очередь.

– Посейчас, посейчас, заплачу.

Стоявшая сразу перед Родионом интеллигентная с виду женщина, судя по одежде и причёске – блузка, юбка, «химия в мелкий бес» – учительница, взяв две буханки, пристально взгляделась в стоявшие на полках бутылки.

– Мне бы хорошего вина. Лучше бы нашего, южного.

– Нет нашего! Все – иностранное.

– Да как же! А вон на той бутылке, кажется, написано – «Кубанское»?

– Женщина! Вы ж про российское вино спрашивали!

– Ну да. Вот я и говорю – кубанское.

– Ну, вы даете. Это ж – с Кубы!

Стоявший в очереди народ весело засмеялся, причем – явно не над слабо разбирающейся в географии продавщицей.

Все-таки купив бутылку кубинского кубанского, интеллигентная женщина принялась протискиваться к выходу, уступив Раду место у кассы. Взяв, как и было наказано, хлеб, молодой человек выбрался на крыльцо, полной грудью вдохнув свежий – пусть даже и жаркий – воздух, улыбнулся, поискав глазами Хильду... и вздрогнул, столкнувшись взглядом с худенькой, но крепкой, блондинкой лет тридцати. Катериной Олеговной, старой своей знакомой...

Женщина, похоже, его тоже узнала и, хлопнув ресницами, воскликнула:

– Ой!

Глава 2

Лето. Южная лесостепь

Станичники

Катерина Олеговна! Учительница, не так уж и давно – во время вот этого слета, кстати, имевшая с бывшим учеником – Родионом – любовную связь. Неужели узнала? Да нет, вряд ли – Радомир находился в прошлом два года с лишним и за это время сильно изменился – раздался в плечах, заматерел. Не мальчик уже, но – муж! Князь, между прочим. А был-то – простой шофер...

Да и в лицо его сейчас не узнать – длинные, до плеч, волосы, борода, усы. Бояться нечего! Тем более, Катерина Олеговна спокойно прошла в магазин.

Пожав плечами, Рад спустился с крыльца, поискав глазами Хильду. Все же он почему-то испытывал сейчас некоторую досаду – ну, надо же – не узнала! А ведь могла бы, если бы...

– Молодой человек!

Родион резко обернулся – пригладив волосы, Катерина Олеговна сбежала вслед за ним по ступенькам. Неужели узнала все-таки?

– Вы... вы случайно не к родственнику приехали? Есть у нас такой Радик Миронов.

– Нет, не к родственнику, – поспешно покачал головой князь. – С чего вы взяли?

– Да просто... – женщина заметно смутилась. – Вы... вы так на одного человека похожи! Буквально одно лицо... вот, подстричься и бороду сбрить... Господи!

– Не надо меня брить, – опустив глаза, ухмыльнулся Радик. – И имя Господне всуе употреблять не след.

– Извините, – Катерина Олеговна облизала губы и вздохнула. – Тот человек, с которым я вас спутала, в больнице сейчас, с переломом.

– Сочувствую.

– И, знаете, вроде бы уже выздоравливал, да вдруг – на тебе, воспалительный процесс пошел! Врачи боятся – как бы не гангрена, в реанимацию перевели, вот я и подумала – вдруг вы нашему Радике родственник? Навестить, поддержать приехали... Увы! – женщина поникла плечами и медленно повернулась к открытой двери продмага, возле которой все так же суежилась очередь, до которой, судя по всему, Катерине Олеговне не было сейчас никакого дела. Слишком уж переживала – это было видно.

Родион стиснул зубы – ишь, как не повезло его... его... аватару, что ли? Или – брату? Ну, надо же – гангрена! После перелома? С чего? Неужели, перелом-то открытый был да занесли какую-нибудь заразу? Жаль, жаль...

Радомир вовсе не желал аватару ничего плохого, все же собираясь жить с ним параллельно, нигде специально не пересекаясь. Трудно, конечно, придется без старых друзей, но коли уж на то пошло – со временем появятся новые. Тем более – Хильда сейчас с ним. Хильда... Кстати, где она?

Молодой человек искал глазами супругу... И не нашел. Не было ее ни под березкою, ни вообще где-то рядом... Может, в сквер возле здания станичной администрации пошла? Во-он, сквер-то, недалеко... и народу там толпится порядочно. Представление, что ли, какое? Или случилось что?

Рад поспешно зашагал к скверику, уже понимая, что случилось нечто плохое, и лишь надеялся, что не с Хильдой.

– Доктора, доктора вызывайте, – подходя, услышал молодой человек.

– Да позвонили уже Юрию Всеволодычу... Сказал – сейчас приедет.

Родион быстро схватил за локоть пробежавшего мимо парня:

- Эй, пацан. Что тут случилось-то?
- Девчонке какой-то плохо стало. Наверное, солнцем голову напекло. Бывает.
- Что-о?
- Во-он она на скамейке лежит... в драных шортах.

Расталкивая плечом столпившийся любопытный народ, молодой человек пробился к скамейке и ахнул:

- Хильда! Родная...

Глянул на бледную, лежавшую с закрытыми глазами, жену... и тут же ощутил удар! Словно бы кто-то треснул обухом по затылку. В глазах потемнело, и ноги вдруг стали ватными, так, что и не удержишься, не устоишь. Молодой человек и не устоял – потеряв сознание, повалился прямо на разбитую рядом клумбу.

Жрец Влекумер, худой, узкобородый, с крючковатым носом, хищно осклабясь и подпрыгивая, изо всех сил колотил в бубен. На шее его билось, словно живое, ожерелье из высушенных змеиных голов, руки покраснели от крови только что принесенного в жертву козла, голова которого красовалась здесь же – у корней старого дуба. И там же, рядом с мертвой козлиной головой, вытянувшись, недвижно лежала Хильда. Бледная, как сама смерть, в длинной белой тунике... словно в саване.

– Чур, меня, чур! – прыгая, потрясал бубном навий. Грязные космы его, растрепавшись, бились за спиной, подобно крыльям падальщика грифа.

– Чур, меня, чур! О Сварог, Сварог венценосный! О Мокошь – мать сыра земля. Прими к себе всех, прими, прими!

Рад вздрогнул, внезапно увидев рядом с Хильдой... себя самого... даже двух! И оба лежали мертвее мертвого. Один – с бородкой и длинными волосами, в роскошной тунике, с мечом на богато украшенной перевязи – князь! Другой – совсем еще юноша с укутанной гипсом ногой.

Во, дела-то! И смешно, и страшно. Как в старом фильме получается – «чем больше сдадим, тем лучше».

– Смерть! Сме-е-рть! – изогнувшись, вдруг взвыл Влекумер, отбросил бубен, обернулся к Раду... не к лежащему, нет... к тому – кто стоял, кто подошел только что.

Змеиные головы на жилистой шее жреца затрещали, ударившись друг о друга.

– Мать сыра земля, Мокошь, ждет вас! – погрозив пальцем, спокойно, без всякого надрыва, произнес навий. – Скоро вы все умрете, все.

Сказал словно бы между прочим. Так вот, предупредил и все. И повернулся, ушел, вновь запрыгал у дуба.

Правда, чуть погодя, обернулся, видно решил пояснить кое-что. Промолвил вот так же просто, совершенно без эмоций, как если бы ставил диагноз опытный врач:

– Все умрете. И ты, Радомир-княже, и жена твоя готка... И тот, кем ты раньше был.

Сказал – и исчез, растворился в воздухе. А те трое – Радомир, Родион, Хильда – так и остались лежать у могучих корней... И почва под ними вдруг разверзлась, и потянулась к телам огромная когтепалая лапа. Мокошь! Мать сыра земля.

– А-а-а!!! – проснувшись в холодном поту, Рад уселся на койке, безумно вращая глазами... Ничего вокруг не было – ни дуба, ни мертвых тел, ни лапы.

Рядом, на койке, лежала Хильда, которая, впрочем, вовсе не выглядела сейчас так плохо, как недавно в сквере... или, упаси Боже, под дубом. Просто спала.

А рядом, на стуле, кто-то сидел... Доктор!

– Ну, слава богу, очнулся, – с облегчением произнес Юрий. – Как это вас обоих-то угораздило? Вот что значит – с северов да сразу на юг. Не всякий организм выдержит.

Родион помотал головой:

– А что с нами было-то? Солнечный удар?

– Тепловой, – протянув руку, доктор заботливо поправил под Хильдой подушку. – Ничего особенно-то страшного нет. Уколычики вам сделал – поправитесь. Только вот завтра на солнце не выходите. Тут посидите, в теньке, телевизор у меня посмотрите, хорошая передача будет – про Высоцкого. Жаль, не посмотрю – снова в райцентр надо, лекарства для ФАПа выбивать.

– На «четвере» своей поедешь? – наконец пришел в себя Рад. – Я бы не советовал.

– Ха, на «четвере»! Я свой автомобиль сегодня завести не смогу...

– Я ж сказал – трамблер менять надо. Да и карбюратор бы глянуть неплохо. Ты мне ключи-то завтра оставь.

– Нет! Завтра – только отдыхать.

Поправив очки, доктор взглянул на гостя с такой неожиданной строгостью, суровостью даже, с какой опера или следователи обычно смотрят на лиц, подозреваемых в совершении тяжкого преступления.

На Родиона, впрочем, взгляд этот впечатления не произвел абсолютно. Вот у Аттилы – у того взгляд! Даже у жреца Влекумера. Как сверкнет глазищами, как завопит – чур, меня, чур! Как поκληчет мать сыру землю – Мокошь.

– Так, значит, в райцентр завтра...

– С волости УАЗик пойдет – и я с ними. Родион покачал головой:

– А что же – вас лекарствами-то не снабжают?

– Почему же? Снабжают. Только сам знаешь, как. Целую зиму вон, арбидол пропикивали. А на что он, дорогуший такой? Люди-то у нас небогатые. Мне бы парацетамолу в ФАП, обезболивающего...

– Так ты нас на руках, что ли, сюда ташил?

– Почему на руках? – доктор неожиданно улыбнулся. – Пришлось попутку поймать... «Тойоту – Лэнд Крузер».

– Х-ха! – удивленно воскликнул Родион. – Это бандитский внедорожник, что ли?

– Да уж, какая попалась. Спасибо, не отказали, я ж главного бандита – администрации нашей главы – тещу от ларингита лечил. Да и Димка, сын его, в принципе, неплохой парнишка. В медицинский вроде бы в перспективе поступать намерен. Вот только – отпустит ли туда папаян? Засунет, скорей всего, на какойнибудь факультет управления.

– Уважает, значит, тебя власть-то?

– А то! Ладно, – Юрий поднялся со стула. – Не буду вам мешать, спите. И завтра утром со двора – ни ногой!

Пожелав гостям спокойной ночи, врач вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Честно говоря, Рад чувствовал себя довольно хреново – все еще кружилась голова, да и слабость какая-то нехорошая ощущалась во всем теле. А потому молодой человек, попив заботливо принесенного доктором Юрой соку, вновь растянулся на койке рядом с женой.

Тепловой удар. Ну, надо же! А вроде не очень-то и жарко было.

– Ты здесь, милый? – Хильда открыла глаза.

– Здесь, родная моя, здесь. Не спишь, что ли?

– Давно уже не сплю. Боюсь! Такой жуткий сон снился! – приподнявшись, красавица прижалась к мужу и, хлопнув ресницами, прошептала: – Знаешь, мне Влекумер-навий привиделся. И мы с тобой... возле старого дуба.

Молодой человек непроизвольно дернулся:

– Та-ак! Только одни мы?

– Еще парубок какой-то. С белой ногой. Хороший такой парубок, на тебя похож чем-то.

– Та-ак...

Родион не знал, что и думать. С чего б это им с Хильдой одинаковый сон приснился? Нехороший сон, нехороший – «Все умрете, все!». Жуть! И этот еще... Родионаватар... в реанимации. Гангрена. Это от перелома-то? Если у него вообще перелом был, может – просто сильный вывих. Шел, упал, очнулся – гипс.

Странно это все, очень странно.

– Слышь, милая, а давай, завтра в церковь местную сходим. Я видел, тут, на холме, есть. Неблизко, правда, но и не очень-то далеко. С утра – пока не жарко – пойдем... Эй, эй, родная. Ты спишь уже? Спит...

Осторожно укрыв жену простынею, молодой человек растянулся рядом и неожиданно для себя тут же уснул, словно бы провалился в глубокую черную яму. Спал крепко и на этот раз, слава богу, без всяких сновидений, лежащих вокруг старого дуба тел, прыгающего жреца и всего такого прочего.

Утром снова сияло солнце. Оно врывалось в окно, по-хозяйски усаживаясь на столе, отражаясь в принесенном доктором Юрой графине, нахально лезло Раду в глаза и с ухмылкой щеко-тало спящей красавице пятки. Вот, отразившись в старом, висевшем на стене, зеркале, принялось будить гостей уже с удвоенной силой, веселилось, словно бы кричало: подъем, подъем, подъем!

Супруги распахнули глаза разом. Посмотрели друг на друга и дружно – в голос – расхо-хотались.

– Смотрю, встали уже, – доктор Юра заглянул со двора в распахнутое настежь окно, прикрытое от комаров да мух марлей. – Ну, я в райцентр. Чайник на плите, колбаса в холодильнике... Да что я говорю – и так все знаете. Как спалось, кстати?

– Как в яме, – честно признался Рад. – Темно, глухо и безо всяких снов.

Врач хохотнул:

– Ну, еще бы – успокоительного-то я вам вчера вкатил с избытком. Ладно, поехал, машина ждет уже. Завтра выходной – борщ наварим... или ботвинью сладим – посмотрим.

– Лучше ботвинью... Слышь, Юра, ты ключи-то оставь все-таки. Я бы тут, во дворе, в тенечке, и повозился бы в свое удовольствие. Ну, не могу без всякого дела сидеть – тошно!

– Понимаю – сам такой. Коль уж так хочешь – ключи в столе, в ящике. Только ты это... без фанатизма, ладно?

– Договорились!

Вскочив с койки, Родион вышел во двор, почистил зубы, умылся и зашел в комнату доктора – забрать от машины ключи. На письменном столе, возле раскрытого ноутбука, лежала набитая закладками книжка с простым и без всяких коммерчески выверенных изысков названием – «Чума».

Молодой человек едва не сплюнул – нет, чтоб, скажем, Шукшина или Чехова почитать, или хоть тех же разрекламированных донельзя Коэлья, Мураками, Брауна. Впрочем, вместо последних, наверное, все же лучше – «Чуму».

Родион машинально пролистнул книгу. Приятное, между прочим, чтиво, особенно – названия глав. Простые и ясные – «Происхождение чумного микроба и возникновение его подвидов», «Роль сусликов в поддержании природной очаговости чумы»... или вот, совсем хорошо – «Взаимоотношения кровососущих членистоногих переносчиков и возбудителей бактериальных инфекций теплокровных животных». Все ясно, конкретно, понятно – не какой-нибудь там женский «ероничско-любовный детектив» под названием «Огненный зов вагины».

Взяв ключи, Рад, опасаясь разбудить женушку, пока не стал запускать двигатель, а просто внимательно осмотрел подвеску и кузов – благо, машина стояла в тенечке, под развесистым платаном. Выделил для себя требующие неотложного ремонта места, каковых, к удивлению молодого человека, отыскалось не так уж и много – задний левый «солдат» приварить покрепче

да подтянуть рулевое, вот, в принципе, и все. Всякие там брызговикибампера-сальники Рад за ремонт не считал.

– Ого! – вышла на крыльцо томная спросонья Хильда. – Решил самобеглую коляску сделать?

– Да уж хозяину нашему помогу.

– Уж помоги, коль сможешь, человек он добрый, – подойдя ближе, женушка чмокнула мужа в щеку и тут же пожаловалась: – Знаешь, а мне опять Влекумер-навий привиделся.

Ключ на тринадцать, выскользнув из руки Родиона, со звоном упал наземь.

– Навий приснился? Опять?

– Ну, вот под утро уже, – пояснила Хильда. – Вначале темно все перед глазами было, а потом... Влекумер словно бы разогнал морок, руками так поводил, да опять про смерть начал. Мол, все трое умрем очень скоро. И почему – трое? Может, того парня вспомнил? И еще сказал – мол, ждут нас. Черная смерть кругом, мор страшный... и будто бы только мы с тобой это поветрие остановить можем!

– Мор, говоришь? – молодой человек сплюнул, вспомнив Юрину книжку.

Чума, наверное, что еще там у них быть-то может? Аттилу ведь именно чума из Европы выгнала, а вовсе не душещипательная беседа с папой римским Львом. Ну да, с гуннами, гепидами, готами чума в Восточную Европу и пришла... Непонятно только, какое отношение к эпидемии имели Радомир и Хильда? «Врачи без границ» они, что ли?

– Милая, ты мне нужна будешь... Кое-что подержать, на газ понажимать иногда.

– На что понажимать?

– Вон, на ту педальку. Ну, давай-давай, умывайся... Да, там на кухне продукты...

– Я приготовлю, уж посмотрю, чего есть.

– Постой, я тебе плитку включу... растоплю...

– Видела я, как ее разжечь. Слажу.

Сладит она... баллон бы газовый не взорвала, чудо. Сполоснув лицо, Хильда скрылась на веранде, слышно было, как чиркнула спичка... другая...

– Как там, милая?

– Все. Разожгла. Что я, совсем уж безрукая, что ли?

Ну, слава те... Пусть хоть приготовит чего-нибудь, все – при деле. А то ведь опять этот чертов жрец Влекумер привидится, не к ночи будь помянут.

Откуда взялся джип, Родион не заметил – увлеченно возился с машиной. Просто обернулся, услышав за спиной голоса, и уж тогда увидел и по-хозяйски въехавший во двор внедорожник – тот самый черный «ЛэндКрузер», и выбравшихся из него молодых людей, крепеньких, коротко стриженных, с одинаковыми, отнюдь не обезображенными и намеком на интеллект лицами. Столь карикатурно выглядевшие, словно бы вынырнувшие из начала «лихих» девяностых, «братки» – или все же лучше именовать их «быками» – сохранились как вид лишь в глухой провинции. В больших городах сия, когда-то довольно немаленькая, популяция давно уже вымерла либо окультурилась, обзаведясь вузовскими дипломами, не всегда, кстати, и купленными. А чего ж? В девяностые «бык» это не призвание было – профессия, хватало там и умных, вполне. Однако вот эти двое к таковым, похоже, не относились.

– Слышь, мужик, а Всеволодыч где?

Это вот вместо того, чтобы поздороваться, пожелать доброго дня.

– В город уехал, – пожал плечами Рад. – К вечеру, думаю, будет. Может, что ему передать? «Бычата» переглянулись.

– Да ему-то ничего не надо. Просто Димыч, пахана наше...

– Виталия Аркадьевича сын, – поспешно перебил напарника один из быков, тот, что, верно, все же был поумнее.

– Виталий Аркадьевич, я так понимаю, местной администрации главарь?

– Правильно понимаешь, – коротко кивнул «бык». – И не только местной. Короче, Димыч, сын его, просил у Всеволодыча, лепилы... А, ладно, завтра сам спросит, – что-то, видимо, вспомнив, браток глянул на расхристанную «четверку» и тут же сменил тему. – В тачках, что ли, шарить?

– Допустим.

– А к Всеволодычу – в гости приехал?

– В гости, в гости, – Рад уже стал тяготиться навязанной ему беседой. – Машинку вот, решил помочь починить.

Братки снова переглянулись.

– Слышь, мужик, а ты тут одну тачку не глянешь? Починишь – так отмаксеем конкретно, в обиде не останешься.

Родион насторожился – вот это был уже разговор, это было дело! Отмаксеем... хм... Да, денежки бы сейчас не помешали – не век же у доктора Юры сидеть? Одну машинку сделать, а там, глядишь, и другие клиенты появятся...

– Что за тачка-то?

– Да обычная, «Лада» двенадцатая. Аркадьич ее весной только сыну на шестнадцать лет подарил, чтоб тот ездить учился, ну, что разбить не жалко. А у него что-то в салоне гремит, ну, у Димыча.

– Так ты ж сказал – все равно не жалко, – усмехнулся Рад.

«Бык» почесал шею:

– Так-то оно так. Да Димыч, вишь, тот еще... Не нравится ему когда что-то не так.

Родион усмехнулся и махнул рукой:

– Так пригоняйте тачку-то. Поглядим, что там гремит.

– Во, мужик! Я так и знал, что мы с тобой договоримся. Ты жди. Димыч – он как проснется, так и подъедет. Что ему еще делать-то? Каникулы! – браток повернулся к напарнику. – Вот бы нам с тобой каникулы, а, Гриш?

Гриша – тот, что выглядел поглупее – поскреб на подбородке щетину и отозвался коротко:

– Гы!

Что значило это «гы», похоже, не знал и его приятель, поскольку в ответ ничего толкового либо смешного не сказал, а лишь коротко бросил:

– Поехали. Совсем, как Гагарин, ити мать!

Повернулся да зашагал к джипу, а вот не шибко умный Гриша, застыв столбом, распахнул рот:

– От это телка!

Радомир неприятно поежился. Ну, конечно же, было, от чего обалдеть – «бычара» углядел-таки выглянувшую на крыльцо Хильду.

– Гриша, давай, шевели копытами, у нас дел еще.

– Да погодь. Тут вон, девка...

– Мало тебе девок? Я же сказал – поехали.

Вот эту фразу напарник произнес достаточно строго, так, что «бычок» Гриша тут же повиновался, тем более, что и Хильда, не будь душой, убралась с крыльца. Кому же приятно, когда тебя так вот, откровенно вожаденно, разглядывают? Нет, может, конечно, многим и приятно... но тогда уж пусть потом не кричат: «Изнасиловали!»

– А телочка-то ничего, м-м-м, такую б насадить на кукан, гы! – пробормотав, Гриша уселся наконец в машину. – Ладно, еще встретимся.

Заурчав двигателем, джип выпятился со двора и, развернувшись, умчался, подняв тучу пыли. Приехавший часа в два пополудни сынок главаря местной администрации (а по совместительству – и банды) оказался вполне приятным с виду подростком, белобрысым и щуплым,

выглядевшим даже младше своих лет. И как его только гаишники не останавливали? Как? Хм... да ясно, как. Как и везде в России – дай да езжай.

Загнав серебристую тюнинговую «Ладу» во двор, юноша вышел из машины и, вежливо поздоровавшись, поинтересовался:

– Это вы машины ремонтируете? Рад потер запачканные маслом ладони:

– Ну, я. А ты – Дима?

– Ага, – радостно закивал юноша. – Так вы глянете? Знаете, что-то там в салоне, слева, гремит.

– Послушаем, – вытерев руки валявшейся под поддомкраченной «четверкой» ветошью, молодой человек забрался на заднее сиденье «двенадцатой»:

– А ну, прокатись-ка чуть-чуть...

Дима послушно доехал до конца улицы, развернулся.

– Ага... значит, не в салоне гремит... Амортизатор, скорее всего, развалился.

– Так новая же тачка совсем!

– Новая, новая, – скептически усмехнулся Рад. – Знаешь ведь, как у нас делают. Может, и новая загреметь. Ладно, заезжай во двор, посмотрю.

– Я вам помогу, не думайте, – юноша заморгал. – Ну, мало ли, где чего подержать надо. Домкрат там покрутить...

– Подержать? – Родион задумчиво почесал за ухом. – За запчастями, ежели что, пехом сбегашь?

– Не вопрос!

– Ну, тогда сейчас поддомкратим.

Димыч честно выполнял все, что у него просили: держал, крутил, сбегал. Даже пива принес – мол, гляжу, устали вы, Родион Даниилович, употели весь.

– Вот за пиво отдельное мерси! – искренне обрадовался молодой человек. – Давненько не пробовал. Сам-то что, не пьешь?

Подросток поморщился:

– Пью, но так... иногда, под настроение. А вы к дяде Юре надолго приехали?

– Да с недельку еще поживу.

– Юрий Всеволодыч – отличный доктор! – неожиданно промолвил сын местного главаря. – Без него все тут, в станице, пропали бы. И ФАП отстоял, и сестринский уход... Знаете, тут все на моего отца думают – мол, он больницу закрыл. А ведь это и не так вовсе! Это ж государственная плитка – сокращение расходов – причем тут мой отец? Да, он тоже не святой, но к закрытию станичной больницы отношения не имеет.

Радомир с наслаждением хлебнул из предложенной бутылки пива, не такого, конечно, хорошего, какое варили там, в прошлом, но по нынешним жарким временам и это неплохо пошло. Амортизатор сделали быстро, чего проще-то – старый выкинуть да новый поставить.

– Во! – одобрительно кивнул вновь усевшийся на заднее сиденье Рад. – Слышишь? Не гремит ничего.

– Здорово, – довольно кивнув, Дима развернулся и, остановившись у ФАПа, вытащил из кармана деньги. – Спасибо вам большое. Вот – за труды.

Три тысячи!

Радик едва не присвистнул... однако! Все же не стал корчить из себя бесребреника, отказываться – денежка-то нужна, на шее у доктора сидеть стыдно. Какая у сельского врача зарплата? Тысяч десять, много – пятнадцать, а, скорее всего, и вообще – семь. Живи как хочешь и ни в чем себе не отказывай.

– Удачно поездить, – открыв дверцу, пожелал Родион. И тут же задержался, кое о чем подумав. Спросил про болото – далеко ли?

– Какое болото? А, где туристский лагерь! – подросток качнул головой. – Не, недалеко – рядом. А что?

– Машина у меня там брошена, – честно признался Рад. – Хоть и старая, а все жалко – мало ли, разберут. Надо бы присмотреть да выехать.

– А что за машина?

– «Победа». Антикварная вещь!

– О, йо! Это же броневик вообще! – воскликнув, Дима с сомнением покачал головой: – Но, думаю, вряд ли вы даже на броневике своем из болота выедете. Там дороги-то давно никакой нет.

– Вроде была...

– Так, колея. На тракторе только проехать. Но прокатиться можно, посмотрим. Едем?

Радик махнул рукой:

– Давай. Жену только предупрежу, чтоб не волновалась.

Пронеслись лихо – водил Димыч неплохо. Минут через десять «Лада» уже сворачивала на лесную дорожку, точнее сказать – на болотную. Когда свернули, в салоне сразу же сделалось темно – по обеим сторонам встали в человеческий рост травы.

– Вот это заросли, – покосившись, пробурчал Рад. Подросток охотно кивнул:

– Да, конкретные.

Проехав с полкилометра, юный водитель остановил авто на пригорке и заглушил двигатель:

– Все, дальше уже болотина. Сядем на брюхо – не вылезем.

– Да уж вижу, – взглянув на глубокую колею, наполненную густой зеленовато-бурой грязью, согласился Радик. – Тут только на тракторе.

– Почему ж? И скутер запросто посередине пройдет. У меня есть, дома, в гараже стоит. Иногда, когда совсем жарко, катаюсь. Хотя сейчас, конечно, на машине больше. Что, пойдем, на вашу «Победу» посмотрим?

– Пойдем.

Рад сейчас корил себя за то, что в прошлый раз не удосужился получше рассмотреть дорогу. Не видел, по тропинке тогда шел, и один, и потом – с Хильдой. Думал, тут, как в пятьдесят восьмом – сухо и проехать – запросто. Ан, нет! Изменилось все, прав Дима, пожалуй, только на тракторе и проедешь... а еще на скутере – меж колеями. На джипе и то вряд ли проскочишь. М-да-а...

– Ого! – увидев бежевую «Победу», впечатлительный подросток даже присел, хлопнув себя по коленкам. – Вы как хоть сюда забились-то?

– Да как-то так вот.

– Ну, назад точно не выедете... Хотя, если трелевочник.

– А есть здесь трелевочники-то? – Молодой человек открыл заднюю дверь, прикидывая, что может сгодиться в багажнике.

Его юный спутник с сомнением покусал губу:

– Да нет, откуда? Здесь же лесополосы, не лес. Ой, вот это машина! – подросток с любопытством заглянул в салон. – Два дивана! А это настоящая кожа? А панель – неужто из красного дерева?

– Из карельской березы. А сиденья – шанхайскими барсами обтянуты.

Димыч расхохотался:

– А может, это все-таки мексиканский тушкан? Шучу... Тоже Ильфа и Петрова любите? Я так обожаю. Знаете... Если не трелевочник, если обычный тягач с платформой или даже трактор. Запросто ваш броневик вытащим, а? Ну да, вытащим... только... – Юноша что-то зашептал про себя, подняв глаза к небу, видно, прикидывал. – После выходных. Ну да – после

выходных. У нас как раз на платформе каток привезут – площадь перед зданием администрации асфальтировать, вот и...

– Но это ж с водителем или трактористом договориться надо...

– Договоримся, – небрежно отмахнулся подросток. – Не фиг и встанет... ну рублей триста заплатите, может – пятьсот.

– Всего-то?

– А что тут и тащить-то? Только... – Димыч вдруг нахмурился, с сомнением почесав подбородок. – На выходные сюда, к речке-то, много всякого народу приедет. Из города, из других станиц, которые без водоемов. Да и эти тут, туристы... Боюсь, не разобрали бы ваш броневик на сувениры.

– Туристы-то не разберут!

– Короче, надо бы тут охрану оставить, хотя бы на выходные.

Родион едва сдержал удивление:

– Охрану? Да я и сам могу ночью в «Победе» поспать.

– Нет, – упрямо возразил юноша. – Вы, я видел, Юрию Всеволодычу машину делаете... Если сделаете – он очень рад будет. А мы с дядей Юрой – друзья. Я через год в медицинский собрался, книжки у него беру разные. Кстати, он как раз сегодня мне про чуму обещался дать почитать. Говорит – вещь интереснейшая!

– Не сомневаюсь! – перепрыгав под заднее сиденье ножны с мечом, откликнулся Родион.

– И в охране не сомневайтесь – найдем! Есть у меня на примете парочка. Парни верные. Вечером я их подошлю. А может, и сам с ними приеду – за книжкой-то.

«Верные парни» оказались двумя мальчишками лет по четырнадцать, одного, светленького и худого, звали, как и доктора, Юрой, другого – темненького, щекастого – Лешкой. Оба прикатили вслед за Димкиной «Ладой» на велосипедах и теперь скромненько ждали у ворот.

– Ну, что встали-то? – выбравшись из салона, махнул рукой Дима. – Особое приглашение нужно?

Парни быстренько подошли, ведя велосипеды за руль. Родион, честно говоря, усомнился:

– А родители-то их что скажут?

– Ничего не скажут, уж будьте уверены, – Димыч тут же обернулся к ребятам. – Вот – хозяин, зовут – Родион Данилович. Ему лично по утрам докладывать будете. Ну, о «Победе» я вам уже говорил. Есть вопросы?

– Нет.

– Тогда езжайте. Если что – кому звонить, знаете.

Кивнув, мальчишки вскочили на свои велики и усвистали, поднимая за собой желтую дорожную пыль.

– По стольнику им потом заплатите, – непринужденно пояснил Дима. – Ну, после выходных.

– Не мало – по стольнику-то?

– В самый раз. Они все равно там рядом, у речки, дни и ночи пасутся – рыбу удят. А так еще и заработают – плохо ли? – подросток потянулся и, юркнув обратно за руль, произнес: – Кстати, Юрий Всеволодыч звонил, просил передать, что задержится, так что вы без него чаевничайте. Да! И книгу я про чуму заберу, дядя Юра сказал, она там, на столе где-то.

– Там, там, – подняв голову, Родион посмотрел на быстро темнеющее небо. – Сейчас, принесу. А может, и ты с нами чайку попьешь?

Подросток сконфуженно развел руками:

– Да я бы с удовольствием, но... Мне сегодня девчонок на танцы везти.

Радомир так вот и представил себе, как сей романтически настроенный юноша читает своей девушке при луне... нет, не стихи, а что-нибудь типа общих закономерностей эволюции патогенности бактерий.

Помахав отъехавшей «Ладе», молодой человек взбежал по ступенькам крыльца... и, охнув, осел на порог, чувствуя, как с ужасающей силой сдавило сердце. Снова, как и вчера, в сквере, потемнело в глазах, и...

Сколько он пролежал на веранде, Родион не помнил, а только, когда очнулся, стало уже совсем темно, и в черном, словно сапожная вакса, небе, зажглись яркие желтые звезды. Где-то рядом, в траве, пел свою песню сверчок, в доме же было тихо – ни телевизор не работал, ни радио...

Хильда! С трудом поднявшись, молодой человек заглянул в кухню... Пошатываясь, прошел в выделенную им комнату, где и обнаружил супругу. Спящей.

Да-да, похоже, она просто крепко спала и даже во сне улыбалась... Нет! Вот судорожно дернулась, словно бы увидала какой-то кошмар, и в ужасе вскрикнула:

– Влекумер! Навий! Прочь, мерзкий волхв, прочь!

– Тихо, тихо, родная, – как умел, Радомир успокоил жену. – Все хорошо, все славно. Нет никакого Влекумера, здесь только я, муж твой.

– Ты... – распахнув глаза, слабо улыбнулась Хильда. – Милый. Господи Иисусе... да что ж мне такое привиделось! Снова навий! Он угрожал... звал... Болтал что-то про черную смерть – мол, мы виноваты, мы и должны спасти. Всех.

Молодой человек нервно повел плечом:

– Мы никому ничего не должны, милая. А Влекумер-навий – вот он-то и должен слишком многим. За все свои предательства и наветы. Ну, успокоилась? – Рад нежно погладил супругу по волосам. – Расскажи хоть, чем ты тут занималась, пока меня не было.

– Еду приготовила – в сундуке холодном капусту нашла, свеклу, репу, мясо даже. Ой, ты ж верно, голоден!

– А и поем!

– Сейчас... Ну, вот, приготовила, легла отдохнуть. Так и уснула... И Влекумер, гадюка, привиделся! Каждый раз снится – хоть вообще не спи. Ты его тоже видишь?

– Редко, – покривил душой молодой человек.

– Но к чему-то ведь он снится? – прижавшись к мужу, задумчиво произнесла Хильда. – Не может же быть, что просто так. Гадалки здесь нет ли? А то сходили бы, спросили.

Влекумер. Снова Влекумер! Именно этого проклятого жреца, мерзкую его харю видел и Радомир – вот, только что, когда валялся в беспамятстве на пороге веранды.

На следующий день Родион добил-таки Юрину «четверку» – прокачал тормоза, привинтил, что надо, даже съездили вместе с доктором к его знакомому сварщику. Провозился до самого вечера, верно, потому и спал, как убитый – без всяких снов... Только под утро... Опять он, он, проклятый жрец Влекумер!

Крючконосое злое лицо волхва словно бы вынырнуло из преисподней: исказилось, зашипело:

– Смертушка вам всем, смерть!

Вот ведь, зараза, достал уже снится! И в самом деле – в церковь сходить, что ли? Может, перестанет тогда являться чудище это языческое?

– В церковь? А и съездим, – обрадовался доктор Юра. – У меня завтра как раз выходной. Вот с утра и съездим, помолимся, свечки поставим. Хорошее дело! Кстати, Димка книжку-то взял?

– Это про чуму-то?

– Ее.

– Забрал, забрал сей бестселлер. Странный юноша, – Родион почмокал губами.

– Славный, – возразил врач. – Умный, с юмором. И пока еще совестливый... в отличие от своего властного папеньки.

Утром, когда собирались в церковь, подъехали на велосипедах мальчишки-охранники. Вызвали «дядю Родиона» во двор, доложились – машина, мол, в полном порядке, никто на сей раритет не покусился, только...

– Что – только-то? – переспросил Радик.

– Только мы ночью на болоте бомжа видели! То есть уже под утро. Страшный такой, патлатый, а нос – крючком. А на шее – головы сушеные. Птичьи, что ли.

– А может, змеиные? – переспросил Радомир и мысленно ужаснулся.

Мальчишки переглянулись:

– Во! Змеиные, точно.

– А не привиделся вам бомж-то?

Заплатив парням по договоренности, Родион решил следующей ночью посторожить брошенную у болота машину сам. И не только ночью – выйти с вечера, с полудня даже, устроить засаду на... На жреца Влекумера? Неужели этот гад сам сюда появился? Зачем? Мало того, что каждый божий день снится, так еще и лично приперся? Вот, сволочь-то! Не от его ли колдовства эта странная слабость, накатывающая все чаще и чаще? И там, в сквере – никакой это не тепловой удар. Жрец! Волхв! Навий! В нем, похоже, все дело. Явился, сука, вредить – из мести, зачем же еще-то? Сбежал-то он из их селенья не в последнюю очередь из-за Радомира-князя и супруги его – Хильды. Вот и мстит, волк тряпочный. Снится, пугает, порчу напустил, теперь вот – явился. Если, конечно, это он, а не какой-нибудь местный бомжик. Все равно, проверить следует, и как можно быстрее. Утром, по пути в церковь, заехали на рынок, приоделись по-праздничному, пусть и довольно дешево – Рад прикупил себе светлые брюки, сандалии и рубашку в клетку, Хильде же – Лидочке – бежевые босоножки и красивое, с открытыми плечами, платье, светло-голубое, с цветочками.

У дороги, в кусточках, и переоделись – сами себе понравились, только Хильда поначалу плеч своих голых стеснялась. Но ничего, по дороге привыкла, а у церкви Рад ей косынки-паволоки купил – голову в храме прикрыть да, вот, плечи.

Хорошо кругом было, благодно. На фоне чистого ярко-синего неба сиял – глазам больно – крест, в золоченом куполе отражалось солнце. Распугивая ворон и галок, плыл над станицей малиновый колокольный звон. Многие, услышав, крестились, некоторые же просто останавливались, слушали.

Внутри храма царил прохлада и полутьма; отражаясь в золоченых окладах икон, таинственно горели свечи. Звучный голос молодого – с окладистой бородой – батюшки уносился под своды. Пахло ладаном и еще чем-то терпким. Собравшийся в церкви народ степенно крестился.

Все трое – Радомир с супругой и доктор Юра – молились истово, чего Рад уж никак не ожидал от врача. Все ж таки – доктор! Материалист. А вот, поди ж ты... И глаза под очками блестят, и губы шепчут... Господи, Господи, велика благодать твоя.

Помолившись сначала за здоровье ныне живущих, а потом поставив свечи за упокой умерших родных и друзей – никого не забыл, даже погибшего в битве Тужира, хоть тот и был язычником, Родион попросил у Николая Угодника (перед его иконой все и стояли, уж очень была намоленная) избавления от гнусных снов и – еще раз – здоровья для себя и для Хильды. Чтоб не случалось больше никаких обмороков, чтоб мерзкая харя жреца во снах не мелькала.

Батюшка службу заканчивал, окроплял всех святой водой. Благодно, чистыми детскими голосами, хор запел «Богородица-дева, радуйся!». В глазах у молящихся стояли слезы. Заметно

посветлело – солнышко, проникнув через верхние окна, озарило храм животворящим своим светом.

Родион умиленно качал головой – славно, славно.

Из церкви вышли довольными, просветленными, доктор едва успевал отвечать на приветствия и поклоны.

– Здравствуйте, Юрий Всеволодыч!

– День добрый. Как ваша грыжа?

– Юрий Всеволодыч, доброго вам здоровья.

– И вам не хворать. Травки-то пьете?

– А как же! Помогает, что и говорить.

– Попробуйте еще ромашку заваривать.

Подожли наконец к машине, сели. Доктор улыбнулся – с пол-оборота завелась, Радик не зря старался!

– Ну, теперь не грех и вина выпить. Радомир охотно закивал:

– В лавку по пути заедем. Только теперь уж, Юра, мы тебя угощать будем. Деньги есть – заработали. Милая! – молодой человек обернулся к жене. – Ты чего такая... сама не своя.

– Храм какой красивый, – шепотом произнесла Хильда. – И Господь... и Святые... Никогда такого чуда не видела!

– Ничего, – посмеиваясь, шепотом успокоил Рад. – И на нашей земле такие же встанут. Скоро уже... лет через семьсот – восемьсот. Юра, ты, когда в райбольнице был, ничего там про туриста не слышал? Ну, парень-то, с ногой сломанной.

– Плохо с ним, – вырывая на главную улицу, опечалился врач. – Очень и очень плохо. И самое-то главное – непонятно, отчего? Закрытый перелом, как инфекция-то могла попасть? А вот, по всей видимости, попала. Наталья Федоровна, хирург, со мной, как с инфекционистом, консультировалась. Вообще, симптомы настораживающие – температура высокая, обмороки, галлюцинации даже.

– Галлюцинации? – Родион ахнул. – Интересно знать – какие?

– Да я говорил уже как-то. Мужик ему все видится, в лохмотьях каких-то, с горящими глазами... Вертится, бьет в бубен, смертью грозит. Станный бред, да.

Рад согласно кивнул:

– Да уж – странный. И что, никаких шансов на выздоровление?

– Правду сказать – очень и очень слабые.

На следующий день – жрец на этот раз не явился, наверное, потому что в церковь сходили – Родион засобирился к болоту. Сказал, что на речку, развеяться, даже взял у доктора удочки и накопал на огороде червей.

Юра его как раз и подвез до поворотки – снова в райцентр поехал, на консилиум, как раз по поводу... Родиона. Того Родиона, местного, в смысле – из этой эпохи.

Рад тоже лицом посмурнел:

– Что, совсем дела плохи?

– И не говори даже.

Тропинка вилась меж бузиной и ивами, ныряла в васильковые луга, белела ромашками, из-под ног то и дело выскакивали мелкие пичуги – пеночки, жаворонки – тревожно щебеча, кружили над головой, видать, где-то рядом были свиты гнезда.

Радик шагал осторожно – не наступить бы, по пути так и не встретил никого. Да кого тут и встретишь-то – где болотина, а где речка?

«Победа» стояла на том же месте – а куда она денется, не заведешь без аккумулятора. А даже если и заведешь, так на шоссе не выедешь, не пробьешься. Прав Дима – платформа нужна с трактором.

Подойдя ближе к машине, молодой человек неожиданно вздрогнул и замедлил шаг – в салоне кто-то был! Жрец Влекумер? Навряд ли, что он – автолюбитель? Местные бомжики разбирали по винтикам? Да даже и не бомижики – «справные куркули», дачники, сиденья-то вполне хороши: диваны целые. Вот, похоже, заднее и снимали – возились.

Ах вы ж, сволочуги! А ну-ка...

Положив в траву удочку и пакет с червями и купленным по пути пивом, Родион подобрал валявшуюся у тропинки увесистую палку... целый посох! Подкрался поближе... И громко расхохотался. Нет, на сиденья никто не покушался. Просто в салоне увлеченно занимались сексом. Из открытой двери торчали загорелые, с розовыми пятками, ноги: большие – мужские, и маленькие – женские. Амортизаторы ритмично поскрипывали, а вот, наконец, слышались сладострастные стоны.

Покачав головой, молодой человек отошел подальше, в траву, – зачем людям мешать? Пусть милуются.

Уселся на какую-то корягу, вытащил из пакета пивную банку, открыл... И явственно почувствовал на себе чей-то недобрый взгляд. Кто-то таился позади, в камышах, у самой трясины. Ага... вот сделал шаг... еще один. Ладно... Хорошие люди по болотам не прячутся!

Немного выждав, Родион резко повернулся, швырнул на шорох шагов недопитую банку и, схватив палку, бросился туда же и сам:

– А ну, выходи! Кто там шарится?

– Посох-то мой верни, княже.

Опустив палку, молодой человек прищурился с нехорошей усмешкой, наблюдая, как выбирается из камышей... жрец Влекумер собственной гнусной персоной. Крючконосый, страшный, с чахлой, испачканной в зеленовато-бурой болотной жиже, бородашкой, с ожерельем из высушенных змеиных голов.

– Не, ну девка-то клевая, блин!

– Охолони, Гриша!

– Ну, неужели такую козу упустим? Пацаны не поймут.

– Сказал же – охолони! Аркадьич же предупреждал – лепилу не трогать.

– Так-то лепилу, Кочан, а про девок ничего говорено не было.

Кочан – тот самый браток, который поумнее, полностью проигнорировав двойную сплошную, обогнал телепавшийся впереди «КамАЗ».

– Ну, тебе самому-то, Кочан, не в падлу крадю такую пропустить, а? – не унимаясь, канючил Гриша. – На двоих бы ее и распялили. Зуб даю, Аркадьич ничего и не скажет. Тем более, девка-то – приезжая, нас не знает.

Вообще-то, звали его Пашей – Павло Григоренко – ну а Гриша – это погоняло такое – уже от фамилии. Никто «бычка» этого Пашей и не называл никогда – все Гришей кликали, как вот и напарника его – Кочан.

– Ну, ты прикинь, брат, какая коза-то! Ум-м! Ножки видал? А сиськи?

– Сиськи, кстати, не очень-то и большие.

– Много б ты понимал!

– Да уж побольше тебя-то.

Кочан угрожающе скривился:

– Прогори, поговори еще.

– Да ладно, братан, что нам из-за бабы ссориться? Не, я дело говорю! Какие гляделки у нее, а волосы? Ты у кого-нибудь из наших девок такие волосы видел? Вот и я не видел.

– Да уж, – ухмыльнувшись, согласно кивнул Кочан. – Таким козам только в кино сниматься.

– Вот мы из нее порноактрису и сделаем! А не сделаем – потом век жалеть будем, зуб даю!

– Достал ты со своим зубом!

– Ну, давай, заедем, глянем... Парень ее, ну, лох тот, механик, я видел – с обеда еще на рыбалку ушел, лепила – в город уехал. Одна она там, одна... лежит, скучает. А тут мы нарисуемся – вот увидишь, она даже и обрадуется!

– Ага... тебе обрадуешься.

– Ну, поехали, а? Вот, сколько уже у тебя девки не было?

Кочан хмыкнул и, сбавив скорость, свернул к станице.

– Уговорил, красноречивый.

– О! Наконец-то!

– Только вот машина у нас больно приметная.

– Так мы без машины, – Гриша азартно потер ладони. – Эх, как я ее разложу! Заявимся, зацепимся языками... дело сделаем, а потом... Она ведь нас не знает. Мало ли кто приходил? Иди, жалуйся. Аркадьич что всегда говорил – не пойман, не вор!

– Она-то да – нас не знает, – останавливаясь на тихой и безлюдной улочке, задумчиво произнес Кочан. – А вот тетка Глафира, гримза старая, – вполне. Из ФАПа, между прочим, весь двор видать.

– А зачем нам со двора-то входить? С другой стороны в барак в окошко влезем... там же где-нибудь красулю и примостим. Кричи – никто не услышит. Пустырь опять же! Кусты.

Кочан почесал за ухом и неожиданно улыбнулся:

– Ишь ты! А у тебя, Гриша, оказывается, котелок иногда варит.

– А то!

– Жаль только, что редко.

«Быки», они «быки» и есть, особых раздумий никто никогда от них и не требовал, и жили они всегда по одному принципу – «захотел – сделал», а дальше и трава не расти. А уж в данном конкретном-то случае деваха, можно сказать, сама в руки шла, без всякого риска. Чего бы и не попользоваться? Лохи они, что ли, случай такой упускать?

Сказано – сделано. Бросив джип под старым тополем, братки быстро пошли к пустырю, простиравшемуся сразу же за бараклом. Пробрались, поцарапались о колючие кусты, однако даже не выругались – все тяготы переносили стойко, недаром говорят – охота пуще неволи. Денек жаркий выдался, безлюдный, да и так – по пустырю-то никто зря не шастал. Что там и делать-то?

Никем не замеченные, «бычки» подошли к бараклу и, оторвав от дальнего заколоченного окна доски, поддели ножом раму.

Нахмутив кустистые брови, жрец Влекумер тяжело оперся о посох.

– Я ведь за тобой пришел, князь Радомир. Как сильно плохо стало – народ про меня и вспомнил, а как же!

– Что ты говоришь? – недоверчиво скривил губы Рад. – Зачем во сне-то являлся?

– Объяснить все хотел, – волхв, как показалось молодому человеку, злорадно ухмыльнулся. – В этом мире вы не жильцы, ни ты, ни супруга твоя. Ни тот... Ты знаешь, о ком я.

– И откуда ты все ведаешь? Влекумер горделиво расправил плечи:

– На то я и навий! Душа Радомира, древнего богатыря, в тебя, прищельца, вселилась... И ты сам Радомиром стал. А тот, которым ты был, он остался в этом мире.

– Туманно говоришь, волхв! – карие глаза Родиона вспыхнули гневом.

– Как уж могу, – потупился жрец. – Народ меня за тобой не от хорошей жизни послал. Гунны принесли черную смерть на нашу землю. Страшную смерть, князь. Люди гниют заживо, умирают. Целые селенья уже мертвы, и наши, и готские. Кто может – спасается в лесах, чужаков убивают, ибо от человека к человеку передается смерть лютая.

– Так-так, – присаживаясь на старый пенёк, задумчиво произнес Радомир. – И чем могу помочь я?

– Всем! – прищурил глаза навий. – Ты и твоя супруга. Когда-то вы принесли с собой венец бургундов, на который наложено страшное заклятие. Следом за венцом явилось и моровое поветрие. А вы – ушли, сгинули.

Молодой человек пожал плечами:

– И что же теперь?

– Вы должны исправить то, что натворили. Вернуть венец его последнему хозяину – мертвому повелителю гуннов! И тогда смерть уйдет.

– А если не уйдет, – Рад все равно не верил волхву. Да и кому верить-то – этому хитрому и себялюбивому проходимцу?

– Уйдет, – сверкнул темными глазами навий. – Я про то ведаю. Затем и пришел. В старых преданиях сказано – князь Радомир и супруга его смогут спасти всех. Тем более – вы здесь не жилицы... что, верно, уже почувствовали.

– Пусть так, – согласно кивнул молодой человек. – Но я пока не пойму – в чем твоя-то выгода?

– Меня отправили, пригрозив смертью, – нехотя признался волхв. – Выискали пристанище, хотели казнить – разорвать меж двух сосен. Думали – я во всем виноват. Пришлось им поведать все.

– Кому – им?

– Побратим твой – Истр... и многие... кто еще жив был.

– Хочешь сказать, они тебе поверили?

– На их глазах я ушел. Прихватил и жертву... дорожка-то сюда кровью человеческой мощена.

Рад зло сплюнул:

– А я вот, как-то без крови обошелся – «Победою». Значит, мы с Хильдой должны вернуться, я так понимаю?

– Должны, княже, – сверкнув глазами, твердо заверил жрец. – И в самое скорейшее время. День, другой... Больше и нет у вас – умрете.

– А ты, стало быть, здесь останешься?

– Здесь никто из нас не может. Умру и я, – Влекумер покрутил в руках посох. – Тебя я увидел, все сказал. Теперь уйду... Заклинание на переход помнишь?

– Да уж, не забыл.

– И про кровь не забудь, князь. Две жертвы на вас двоих нужно. Прощай. Может, там встретимся... хотя лучше б и не встречаться. Лесные урочища – мой дом, у тебя ж – иная дорога. Прощай.

Жрец повернулся и, проверяя посохом пусть, подошел к трясине... где и остановился в некой задумчивости. Посмотрев ему вслед, Родион направился к автомобилю. Двое любовников как раз закончили все свои делишки и теперь живенько одевались. Девчонка – раньше ее Рад на слетах не видел, а может, просто не помнил, молоденькая такая, белокурая, славная – как раз успела натянуть майку.

Парень же оказался знакомым – в ориентировании и на КТМе частенько соперничали – из Марий Эл, что ли? Нет, марийцев Рад всех очень хорошо знал... а вот этого... Из чувашской команды, что ли? Или – из Новгорода...

– Здорово, ребята, – подойдя, улыбнулся молодой человек. – Что, слет-то закончился уже?

– Да последний день, уезжаем завтра.

Молодежь, похоже, ничуть не смутилась, да и чего было смущаться-то? Девушка, на «Победу» кивнув, рассмеялась даже:

– Ваш аппарат? Не бойтесь, колеса мы вам не открутили.

– Да уж ладно. В лагерь сейчас?

– Я – в лагерь – дежурю нынче, – коротко кивнул юноша. – А Леночка в станицу, за хлебом. Не знаешь, хлеб-то там во сколько привозят?

– Привезли уже, думаю.

– Говорят, тут через болото дорожка короткая есть?

– Да есть.

– Ладно, пошли мы.

– Пойдите! Валентиныч там как? Парень быстро обернулся? – Дядя Миша? Нормально. Уехали они вчера – в райцентр подались, там у них Радик с ногой.

«Так ведь и не повидался со своими, – подняв капот, с досадой подумал Рад. – Теперь уж и не успеть. Жаль... Та, с Катериной Олеговной встреча, не в счет. А ведь хотел встретиться. Поговорить... так, не узанным. С другой стороны, какой смысл?»

Кровью, говоришь, переход-дорожка мощена? С неприязнью вспомнил слова жреца Радомир. Сам-то он уже знал, как обойтись без ритуальных жертв – просто, кроме заклинания, еще нужна подходящая скорость и масса. «Победа» как раз подойдет – проверено. Во-он на тот пригорочек ее загнать, развернуться – и вниз, со всей дури! Слава богу, автомобильный движок на низах хорошо скоростенку берет. Вот, аккумулятор зарядить только. Тяжелый, гад... Что ж, делать нечего – до станицы на себе переть придется. Ни-чо – сдюжим, своя-то ноша не тянет.

Достав из багажника ключи, Родион принялся откручивать клемму.

Тем временем юная девушка – активистка-спортсменка Леночка – догнала идущего к гати странного старика с клюкой.

– Здравствуйте, дедушка. Вы в станицу? И короткий путь знаете. Вот здорово! Можно с вами?

– Идем. – Ухмыльнулся Влекумер-навий – вот и искать ничего не пришлось! Помогают Мокошь с Чернобогом, не зря приносил им хорошие жертвы. Завел приبلудную девку подальше. Остановился. Незаметно вытащил кривой жертвенный нож. Забормотал заклинание.

– Что-что вы сказали, дедушка? Ой...

Сверкнул на солнце клинок. Хлюпнула злобно трясина. Дорожка-то – она кровью вымощена...

– Не, ты глянь, Кочан, что тут такое-то? – «Бычок» Гриша едва не споткнулся о старую тумбочку и выругался, порвав футболку о гвоздь. – Похоже, – тут склад какой-то.

– И верно – склад, – Кочан осторожно переступил через кроватную сетку. – Кровати какие-то, тумбочки... О, матрасы!

– Матрасы?! Где? – обрадовано переспросил Гриша. – А, вижу! Вот их сейчас и разложим... А козулю нашу – на них. Ну, помогай, брателло, не стой.

Кочан с сомнением покачал круглой, коротко стриженной башкой, и в самом деле чем-то напоминавшей капустный вилок:

– Че, в этой грязи и будем?

– Да где тут грязь-то? Тоже еще, маркиз Карабас выискался.

– Но-но! Ты не очень-то.

Разложив на пыльном полу старые матрасы, гопники переглянулись и, подойдя к двери, осторожно выглянули в коридор.

– Хорошо, что не заперта, правда? – шепнул Гриша.

– Да чего тут запирать-то... Тс-с!

Где-то неподалеку слышались шаги... скрипнув, распахнулась створка двери, и поперек темного коридор легла светлая солнечная дорожка с желтыми тихо кружившимися пылинками, среди которых возникла стройная девичья фигурка в открытом светло-голубом платье.

– Милый, ты наконец пришел?

– Мы, подруга, оба милые! А ну, цыц!

Схватив девчонку в охапку, Кочан приставили к ее шее нож и негромко скомандовал:

– Иди. Вздумаешь кричать – зарежу.

– Ух, и краля! – бросив Хильду на матрас, гопник схватил ее за лямку платья, обнажив грудь, которую тут же и облапал.

Его напарник уже растегнул штаны и, примостившись рядом, рванул тонкую ткань...

– Ой, какие дойки... а животик какой? Кочан, чур, я первый!

– А че ты-то?

– Ну, я ж первый предложил.

– И что?

– Славные воины! – тихо засмеялась Хильда. – Вижу, вы привыкли брать добычу, не таясь. Люблю таких.

– О! – Заспорившие было братки удивленно переглянулись. – Слышь, Кочан, чего она мелет-то?

– Говорит, нравимся мы ей.

– Во, подруга! А я что говорил? Ну, че, Кочан, давай тогда спичку потянем! Короткая – я первый, длинная – ты.

Гриша радостно засмеялся:

– Умный ты мужик, Кочан! Ну, что подруга, давай, принимай нужную позу... Да не бойся, тебе только приятно будет – зуб даю!

– Я и не боюсь.

– Во, молодец! О-о-о! Слышь, Кочан, а она без трусиков!

– Заметил уже...

Хильда не переживала несколько и, уж тем более, не боялась. Да, это были враги, но враги неосторожные, глупые. Ишь, толоку хотят устроить, ну-ну... Ножик-то, дурачки, бросили... Плохой, конечно, ножик – сразу видать, но уж какой есть... какой есть...

– Ты что, подруга, вертишься-то? Уа-у-у-у!!!

Темновато все-таки было. Первого, промахнувшись, Хильда ударила в печень, второго уже нормально – под сердце. А первого пришлось по горлу, чтоб не орал, не пугал народ. Глупые бычки. Они-то, бедолаги, всерьез думали, что весь мир крутится вокруг них. Пацан сказал – пацан сделал. Вообще, девчонок «быки» за людей не считали. Тем более – за опасных врагов. Вот и просчитались – в том мире, откуда явилась Хильда, лить человеческую кровь, защищаясь, вовсе не считалось предосудительным. Скорее – наоборот. И уж, тем более – кровь врагов. А эти двое были отнюдь не друзья – точно! Еще и сами напали. Убить! Запросто и без всяких проблем. Лег-ко!

– Славные воины, славные, – готская красавица с улыбкой покрутила в окровавленных руках ножик. – А кинжал-то у вас плохой. Выкинуть? Или все ж пригодится?

Поставив аккумулятор в траву, Родион вытер пот и, глянув на возившуюся во дворе у рукомойника супругу, озадаченно вытаращил глаза:

– Ты что это делаешь, милая?

– Кинжалец мою, – повернув голову, мягко улыбнулась Хильда. – А тебя я давно заметила – не умеешь ты неслышно ходить.

– Постой, какой еще кинжалец? – уже предчувствуя что-то недоброе, нервно спросил молодой человек. – И... и почему ты вообще – голая? Ну, нагая почему?

– Так платье-то разорвали, – резонно пояснила супруга. – А старую одежду я выкинула – вот и нечего одеть. Да и некогда – кровь застынет, потом не отмоешь.

Рад покусал губу:

– Господи... Какая еще кровь?

Не торопясь вымыв нож – увесистую, с наборной эковской ручкой финку, Хильда провела муженька, показала – откуда взялась кровь.

Тот, как стоял у порога, так и сел, только что не в кровавую лужу. Присвистнул:

– Ну, и дела, однако. Откуда здесь эти паразиты взялись-то?

Нагая красавица повела плечом:

– А я почему знаю – откуда? Это ж не мой край. Ворвались в дом, насильничать хотели... думали – боги им помогут. Не помогли.

– Я вижу, что не помогли, – глядя на два аккуратно уложенных в рядок трупа, задумчиво протянул князь.

Прямо там, на пороге, и посидел, подумал, а потом махнул рукой:

– А и черт с ними, все равно уходить.

– Уходить? – Хильда окатила муженька сверкающей бирюзовой волной удивленного взгляда. – Куда?

– Домой, любя. Людям там плохо – гибнут. На нас с тобой вся надежда осталась.

Девушка накрутила на палец длинный, сверкнувший белым золотом, локон и, опустив глаза, справилась:

– Это тебе Влекумер-навий сказал?

– Он, – не стал таиться Рад.

– Он и мне снова снился. Говорил, мол, гунны черную смерть принесли, Атилой-рэксом насланную. Мстит рэкс за корону... причем ведь не за свою, за чужую. Бургундский венец этому гуннскому проходимцу не должен был принадлежать!

– Однако мертвец его обратно получить хочет.

– Хочет – вернем, – неожиданно согласилась Хильда. – В венце том никакой силы давно уже не осталось. Влекумер, хоть и гнусен, но сейчас говорит правду – я это чувствую, сердцем чую.

Радомир живо вскочил на ноги:

– Тогда одевайся скорей... Старая-то наша одежда где? Ну, та, в которой мы... Тоже выкинула?

– Не. Постирала – в амбаре висит.

– В каком еще амбаре? А, в гараже... Ладно, – молодой человек посмотрел на трупы. – Оставлять их тут нельзя, да и кровь замыть надо – иначе доктору Юре ох как плохо придется. Куда б их деть-то?

– Там, за жилищем – опушка. Кусты растут, никого нет.

Рад бросился к окну и довольно хлопнул рукой по подоконнику:

– А ведь верно, милая! Там их и закопаем. Только быстрее все делать надо.

Долго ли, коротко ли, а провозились часа тричетыре. Пока Радомир копал на пустыре яму, пока трупы вытаскивали, пока замывали кровь. Закопали, правда, быстро, а сверху еще и завалили щебнем да старыми кирпичами. За всеми хлопотами князь совсем позабыл притащенный аккумулятор на зарядку поставить. Позабудешь тут...

– Та-ак, – глядя на одевшуюся в старую тунику супругу, молодой человек прикидывал, как же быть?

По-любому выходило – аккумулятор нужно бы у кого-нибудь прихватизировать или попросить... У кого только? Знакомых-то никаких нет? У доктора, конечно, можно взять, да все оставшиеся деньги ему оставить... так ведь когда он еще придет-то?

– Черт! – Родион с силой хлопнул себя по лбу. – Во, я дурак-то! А еще князь. Магазин «Автозапчасти» здесь без выходных работает! Хватило бы денег... должно, должно... Слышь, милая, ты жди, а я сейчас, скоренько. Может, есть у них тут какой-нибудь аккумулятор дешевенький.

Дешевеньких, увы, в располагавшемся в сером приземистом здании бывшего склада РАЙПО автомагазине давно уже не осталось – раскупили. А не хватало-то всего триста рублей.

– Слушай, я сейчас принесу, а? – забожился Радик. – Только ты дай пока агрегат – я, чтоб пешком не ходить, на машине бы и приехал.

– Не ты часом у Всеволодыча, врача, гостюешь? – пригладив редешущие на макушке кудри, задумчиво спросил продавец, толстый, с усами вислыми, в синем, с закатанными рукавами, халате.

– Гостюю, да. – Деревня, Господи – все всё про всех знают. Так вот и к лучшему!

Продавец махнул рукой:

– А, забирай. Завтра я за запчастями поеду, послезавтра – именины у тещи... в общем, во вторник денежку завезешь. Не забудь!

– Как можно? Ну, спасибо тебе! Вот, спасибо-то... Дай тебе Бог здоровья. Ну... побегу я, пожалуй.

– Беги, беги. На скорости, смотри, не разбейся. А продавец-то – шутник.

Терпеливо дожидаясь мужа, как и положено верной супруге, Хильда сидела на ступеньках крыльца и лениво листала книгу.

– О! – опустив попку наземь, Радомир качнул головой. – Я тут бегаю, тяжести разные таскаю, а некоторые... Интересная хоть книжка-то?

– Что? Ах, это... Это отрок на самобеглой повозке привез. Просил, чтоб передали лекарю.

– А-а-а... Слушай, милая, ты рюкзака у нашего Юры не видела?

– Чего?

– Ну, мешок такой заплечный, котомка...

– В амбаре висел, – положив книжку на ступеньку, Хильда поднялась на ноги. – Посейчас принесу.

Молодой человек глянул на книжицу.

Ну, конечно – «Чума». Что еще там могло быть?

Вбежав в комнату доктора, молодой человек схватил со стола авторучку, вырвал из лежащего рядом блокнота листок:

«Юра, срочно уезжаем с нашими туристами. Документы наши нашлись, «Победу» вытащили. Задолжал триста рублей в «Автозапчасти» за новый аккумулятор, пожалуйста, не сочти за труд – отдай. Взамен оставляю тебе старенький, он, хоть и неказистый, но хороший, просто не успел его зарядить. Прощай. Спасибо за все. Удачи. Надеемся, еще когда-нибудь свидимся.

С приветом, Родион и Лида».

Написав записку, Рад почесал авторучкой за ухом и, подумав, добавил:

«P.S. «Чуму» тебе Димка принес, но мы ее взяли, почитать. Ты, я думаю, разрешил бы. Что не так – извини. Еще раз удачи».

А может, и пригодится – про чуму-то книжка, про «черную смерть»!

Прикрутив под капотом «Победы» новый аккумулятор – не совсем правда подошел, но все ж влез – Родион с волнением забрался в кабину и повернул ключ зажигания. Мотор запу-

стился сразу, словно бы только того и ждал – вот ведь, машины когда-то делали, не какие-нибудь там «Жигули»!

Покуда шли, покуда возились – уже совсем стемнело, и Рад включил фары, освещая обступившие болото деревья и кусты. Врубил – как когда-то в МТС научили – сначала вторую передачу, потом – почти сразу – первую (чтоб без лишнего треска), плавно отпустил сцепление, поддал газку. Проехал немножко вперед, сдал задом – развернулся, поглядел на супружницу, подмигнул:

– Ну, что, милая, заклинание-то помнишь?

– Я все помню, мой князь.

– Вот и славно. Тогда читай... А я, пожалуй, молиться буду!

Князь сжал губы. Теперь главное – разгон. Набрать скорость... Нога нажала на педаль. Двигатель взвыл, резко наращивая обороты.

– Ну, с Богом – вперед!

Вырвались из-под задних колес клочья травы и грязи. «Победа» пошла под уклон быстро, но плавно, набирая скорость безо всяких рывков.

Вторая передача... Третья! И по – газам...

В-вух-х-х!!!

От толчка – наскочили на какую-то кочку – вдруг заиграл радиоприемник. Родной, «победовский»...

Идет охота на волков, идет охота!

На серых хищников – матерых и щенков, —

Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.

Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Хорошая песня!

Главное – словно бы по заказу славного доктора Юры.

Глава 3

Лето. Южная лесостепь

Болотники

Разорвав сумрачное небо узкими лучами фар, бежевая «Победа» с разгона плюхнулась в болотную жижу, плотоядно чавкнула и начала быстро погружаться в трясину. Настолько быстро, что Рад с Хильдой едва успели выскочить, да и то угодили по пояс, слава Господу, хоть гать оказалась рядом... шагах в пяти.

Чувствуя, как проваливаются ноги, Радомир пошире раскинул руки по сторонам, словно бы встретил лучшего друга или любимого родственника, с которым не видался уже лет десять, да так, в растопырку, и повалился в тину, краем глаза заметив, что и супруга поступила точно так же. Что же она, дура, что ли, в болотинето столбом стоять, ждать, когда засосет совсем, что и не выберешься? Ну, уж нет!

Упав в трясину, оба тонущих принялись быстро, но плавно, подгребать под себя все, до чего только могли дотянуться – коряги, обломки брошенной кем-то слег, камыши, ряску. Только так и можно было спастись, да и не только сейчас, а и вообще – на любом болоте. Будешь стоять или бежать попытаешься, если сможешь – обязательно затянет в трясину. А вот, если лечь, не обращая внимания на грязь да гнусные запахи – вот тогда есть шанс спастись, особенно, ежели не забыть замолить болотных духов.

Вот Хильда и молила – и своих, готских, и словенских – мужниных:

– Пава-купавушка, Купавница-пава, не тяни нас на дно, краса желтоглазая, нет при нас ничего, что тебе приглянулось бы, вот, хочешь – повозку бери, хорошая повозка, сама, без лошадей, куда надобно, едет, и тебя довезет... Верно, милый?

– Довезет, довезет, – охотно подхватил молитву молодой человек. Обрадовался, что любимая в панику не впала... хоть и не случалось такого никогда, а все ж – женщина. Потому и улыбался князь, прятал свой страх глубоко-глубоко... почти что в трясину, да шутил:

– «Победа» – машина хорошая, не у каждого болотника есть. Правда, вот к ней еще права бы... Хотя – гаишников-то в трясине нет, можно и так... Загребай, загребай, милая, все под себя гребь!

– Я и гребу... Сейчас выберемся!

– Точно?

– Ну да. Глянь взад себя – повозку-то болотницы взяли!

Выплюнув грязь, Радомир повернул голову: права женушка – от «Победы» уже одна крыша торчала... да и та тут же скрылась, словно и не было.

– Вот, блин... Не! Берите, берите, пользуйтесь, ничего для вас не жаль, только нас отпустите... Отпустите, а?

Молодой человек выбросил вперед руку... и наткнулся на что-то твердое. Слега? Коряга? Палка? Гать!!!

Рывок! Еще один... уцепился, уцепился... Теперь не спешить, плавненько... ага! Рад лег на грудь, затем осторожно поднялся на корточки, чувствуя, как шевелятся внизу колья. Уцепился за край, протянул руку супруге... та ухватилась, поползла...

Ага! Вот и она уже рядом, родная...

– Родная! – от избытка чувств, князь поцеловал жену в грязную щеку.

Хильда улыбнулась:

– Ну, вот, и выбрались, слава Иисусу Христу!

– Ага – Иисусу, – шмыгнув носом, поддел Радомир. – Что-то ты, когда в трясине барахталась, вовсе не его имя кричала.

Супруга пожала плечами:

– Иисус Иисусом, а здесь – болото. И хозяева в нем – духи болот. Пока еще у Господа до них руки дойдут... да и дойдут ли?

– Ла-адно, – князь помог жене подняться на ноги. – Пойдем, что ли... вон, хоть туда, к лесу. Повезло нам с тобой – ночка светлая, звездная, да еще и месяц – далеко видать.

– А вот с этим как раз Господь и помог.

– Слава ему!

– Слава. Слева, в густых камышах, раздался вдруг громкий дьявольских хохот.

Рад непроизвольно дернулся, едва не свалившись с гати обратно в трясины – то-то был бы номер! Другойто «Победы» не имелось, да что там «Победы» – завалиющихся «Жигулей» даже духам болот не предложить!

Хорошо, что пробирающаяся позади Хильда успела схватить мужа за шиворот.

– Не дергайся, это же просто выпь.

Ну да, выпь. Вот снова захохотала. А вот кто-то – в ответ ей – заухал. Филин! И – тут же сразу же – коростель. Ишь, развеселились, сволочь болотная! Еще бы, такое авто получили!

Черт... там же и меч под задним сиденьем. Гром Победы, братца названного, Истра, подорожек. Украшенная золотом рукоять, сварное лезвие с широким долом – гнется, но не ломается. Такой меч не меньше «Победы» стоит! Жалко, жалко меча...

– Ты что загрустил, милый?

– Меч-то в маши... в повозке остался.

Хильда расхохоталась, не так, конечно, громко, как вот только что – выпь, но тоже не очень-то тихо:

– Плохо, конечно, но что ж поделать? Добудешь себе другой, на то ты и вождь!

Рад махнул рукой:

– Ну, ясно, добуду... И все равно – было жалко.

Ночь тарасилась вниз сверкающими гирляндами звезд, лилась лунным светом, дрожащим, зеленовато-прозрачным, призрачным. Выпь, наконец успокоившись, забила крылами; поухав, пронесся низко над камышами филин, да там же, в камышах, и схватил кого-то. Жабу? Мышь-полевку? Змею? Змея-то, конечно, куда как лучше мыши – и больше, и мясо мягче, вкусней. А что яд – так умеючи клювом по темечку тюкнуть – всего и делов-то.

Гать кончилась, зашуршала под ногами трава... вот и кусты, деревья, мох мягонький... Путники без сил повалились в него. Славното как, Боже, хорошо-то! Благостно этак, спокойно кругом, правда, не сказать, чтобы тихо. Летний ночной лес – место зверьем да птицей богатое, шумное. Вон, снова кто-то, крыльями замахав, пролетел, вот писк чей-то раздался. Не убереглась мышшь... а может – суслик. А вот – чики-ри... чики-ри... – сверчок.

Хильда восстановила силы быстрее, заворочалась, уселась, дотронулась до мужнина плеча ладонью:

– О, Христородица-дева, какие ж мы с тобой мокрые да грязные. Тут ведь реченька рядом – вымыться бы.

– Вот прямо так, в темноте, и пойдем? – заленился Рад. – Снова хочешь в болотину ухнуть?

Юная женщина капризно повела плечом:

– И все же. Негоже благородным людям в грязи бысти!

Сказав так, схватила мужа за руку властно и резко:

– Идем! Князь пожал плечами – идем, так идем. И в самом деле – чего в грязи-то валяться?

Супружница шагала уверенно, будто всю жизнь только по болотам и шастала, причем – исключительно ночью. Отводила руками кусты, останавливалась, прислушивалась к чему-то.

– Слышишь, милый? Рыба плеснула!

– Ага... лягуха в болотной жиже прыгнула, комара схватила. Ч-черт! Как же кусаются-то, гады! А ты еще купаться предлагаешь – сожрут!

– Не сожрут. Мы, как из воды вылезем, вонь-травой намажемся. Комары да мошка ее страсть как не любят.

– И я – не очень-то...

Позади, на болоте, с грохотом лопнул наполнившийся дурно пахнувшим газом пузырь. Князь оглянулся:

– Ого! Болотники-то уже тачку дареную завести пытаются. Флаг им в руки!

– Чего делают?

– Да так... Милая, а ты там, в трясине-то, не боялась? Ну, неужели вообще никакого страха не чувствовала?

– Боялась, – помолчав, тихо призналась Хильда. – Но поначалу только. Как увидела, что болотники повозку нашу себе утащили, так и поняла – отпустят они нас, на доньшко не утянут.

И как это все в ней уживалось? Вера в Иисуса Христа (пусть в виде арианства, отрицающего единосущность Христа и Бога-отца и необходимость отделенной от всей остальной общины Церкви) спокойно соседствовала с уважением к «старым богам» и вот, даже – к болотным духам. Впрочем, чего удивляться-то? Любого – почти любого – современного человека возьми – он будет вполне искренне считать себя православным и при этом носить чисто языческие амулеты со знаками Зодиака. Ходить на Пасху в церковь – и не соблюдать посты, а из всех многочисленных церковных символов знать только крашеные яйца.

Готы, да и не только готы, а и многие недавно принявшие христианскую веру народы все же не забывали своих старых богов. Не хотели забывать, как официальная церковь не билась.

– Нет, точно рыба! Князь скривил губы:

– Ты еще скажи – какая! Форель или хариус?

– М-м... хариус слишком хитер, чтоб сейчас из воды прыгать, а для форели, пожалуй, – мелковата, – подумав, промолвила Хильда. – Уклейка или подъязок. Но речка – точно там есть. Да ты слышишь – журчит!

Вот теперь наконец-то и Рад услышал шум близкой реки, а супруга, проворно юркнув в кусты, уже спустилась вниз, к излучине, на песчаный пляжик.

В лунном свете серебрились, играя на перекатах, волны, а сразу за ними, под обрывом с раскоряченной черной сосной, мерцал отражениями звезд омут.

Туда и нырнули... Ох, и водичка же оказалась! Холодная! Зуб на зуб не попадает. Впрочем, вскоре привыкли.

– Давай – до того берега и обратно, – вынырнув, азартно крикнула Хильда.

Рад улыбнулся, сверкнул зубами:

– Да что тут плыть-то? Ну, ладно, давай.

Нанырялись, накупались, наплавались, юная княгиня даже выстирала одежду, развесила на кустах – сохнуть.

– Эй, родная, а не поторопилась? Что же мы – голыми на сырой земле спать будем?

– А хоть бы и так, ночка-то теплая. А на холме травы густые, высокие... Да и ветерок – комаров-мошку сдует.

– На холме говоришь... Господи, что ж у тебя мурашки по коже... Замерзла, милая?

– Замерзла. Погрей... Не здесь, на холме... побежали!

Набегались, упали в траву – высокую, теплую, мягкую... Ах, как она щекотала плечи, как пахла... горьковато – лавандой, и сладко – клевером, и еще – пряно – иван-чаем, ромашками.

Не говоря больше ни слова, Хильда накрыла губы супруга своими, обняла, улеглась сверху. Рад прижал любимую, провел рукой по не успевшим еще высохнуть волосам, по атласным плечам, по спине, по шелковым бедрам... Славно стало, томно... страстно.

Шуршала трава, срывали жаркие поцелуи губы... едва слышное дыхание... стон... Вспыхнувшая – нет, ни на секунду и не угасавшая – страсть разорвалась в головах ядерным взрывом! Таким, что позавидовали и звезды.

Они так и уснули, обнявшись и тесно прижавшись друг к другу, улегшись на простыне из пахучих медвяных трав, укрытые бархатным покрывалом теплой юной ночи. Легкий ветерок приносил запах полыни и далекого, разожженного кем-то костра. А может, это был просто запах селенья.

Радомир проснулся первым, распахнул глаза и тут же зажмурился от бьющего солнца. В голубом утреннем небе уже парил, высматривая добычу, коршун, где-то пел жаворонок, бабочки выводили хоровод летним легоньким разноцветьем, а вот прямо над головой прогудел-прожужжал шмель. Ж-жу-у-у-у!!!! Как будто истребитель на форсаже пронесся.

Как красива была Хильда, молодой человек и взгляда не мог оторвать от спящей юной красавицы, от этих губ, розовых и блестящих, от опущенных ресниц, черных, длинных, пушистых, от волос, струящихся по земле водопадами белого золота... А грудь? А стройные бедра? Да есть ли еще хоть кто-нибудь красивее на свете?

– И что ты на меня смотришь? – Хильда приоткрыла левый глаз, пустив в мужа яркую голубую стрелку.

Ранила... ранила прямо в сердце. Убила...

– Какая же ты у меня красавица! Юная женщина улыбнулась:

– Я знаю. Скажи – именно такой ты и видел меня в своих снах?

– Да, родная моя, именно такую!

– То есть – нагой, да?

– Гх-м... – Рад закашлялся, словно бы подавился чем-то, и супруга стукнула ему по спине кулаком.

– Ишь, раскашлялся. Ну, что? Платье наше, верно, уже и высохло... Пора домой, к своим!

К своим... Знать бы еще, где их искать. И самое-то главное – есть ли они вообще здесь? Прорвались ли путники? Туда ль, куда надо, попали? Родион помнил – когда в прошлый раз уходили, стоял четыреста пятьдесят третий год. Лето. Или ранняя осень. Как-то так...

Эх, дел-то предстоит сколько! Найти своих, собрать дружину, вернуть бургундскую корону Аттиле. Мертвому Аттиле. В гроб ее положить, что ли? Наверное, так. А для этого следует отыскать могилу, что очень и очень нелегко. Люди полторы тысячи лет искали – так и не нашли. Может, не там искали?

Вскочив на ноги, Хильда бросилась вниз, к кустам, оглянулась:

– Платье-то высохло. Высохло... Только...

Натягивая тунику, Рад увидел валявшиеся в траве под кустом мокрые бумажные листки. Книжка. Та самая, про чуму, что вернул доктору Юре Дима, а Родион решил прихватить с собой, сунул за пазуху – авось пригодится. Может, пусть еще немного просохнет на солнышке... на бережку...

– Любый... – тихо произнесла Хильда, и что-то в ее голосе заставило князя напрячься.

– Что случилось?

– Смотри. Там! На берегу, невдалеке от излучины, что-то белело. У самой воды, на мокрых, тронутых мхом, валунах.

Переглянувшись, супруги подошли ближе. Князь наклонился, протянул руку... Мертвые змеиные головы! Ожерелье жреца.

– Оберег Влекумера-навия, – задумчиво произнесла Хильда. – А вон и следы. Смотри-ка! Он от кого-то бежал, петлял, словно заяц. Даже потерял ожерелье. И кто за ним гнался? Наши? Чужие?

– И те, и другие могли.

Вот то-то и оно – и те, и другие. Кто? Хорошо бы знать, иначе небезопасно тут.

– А вон и кровь, – присмотревшись, юная княгиня опустилась на корточки, рассматривая притоптанную кем-то траву.

Родион присел рядом:

– Где ты кровь видишь?

– Вон... на ромашках. Свежая. Не так и давно запеклась – день, два. Скорее всего, вчера.

– Ага-а-а... – задумчиво протянул молодой человек. – Значит, нашего навия Влекумера еще и подстрелили, подранили. А может, и убили – да бросили где-нибудь рядом труп.

Согласно кивнув, Хильда посмотрела вдаль:

– Может, и убили... Да только не навия. Где кровь, а где оберег? Где те следы, а где – эти? Не-ет, убили-то тут другого... Не убили – ранили. Вон, след-то кровавый по всему берегу тянется.

– Пошли-ка, посмотрим, – решительно махнул рукой князь.

– Пошли... Постой, – супруга хлопнула мужа по плечу и, когда тот обернулся, протянула ему... финку с наборной зэкской рукояткой. – Вот, возьми кинжал... вместо меча.

– А ты?

– Ты же меня защитишь! – лукаво улыбнулась красавица. – Да и оружием ты владеешь куда-а как лучше.

– Кто бы говорил! – Родион тут же вспомнил закопанных на пустыре «бычков». Об этом же, по всей видимости, подумала и княгиня. Улыбнулась ясно, словно солнышко, засмеялась:

– Ой, ну и дурачки же попались. Вражины, да – но совсем уж безмозглые. Надо же – кинжал мне показать! Да еще и положить его рядом. Дурни! Поделом и смерть.

– Поделом, – согласно тряхнул головой Радомир.

Пройдя по кровавому следу вдоль реки, они свернули на неприметную тропинку, скорее даже – на звериную тропу, судя по остаткам висевшей на колючих кустарниках грязно-серой волчьей шерсти. Именно там, на листьях, и виднелись кровавые пятна, маленькие такие, едва заметные, Родион ни за что не заметил бы, как бы не Хильда. Уж та-то – своего времени дочь и весьма достойная!

Пройдя по тропе с полсотни шагов, супруги услышали стон. Раненый – кто бы он ни был – находился где-то рядом и, верно, стоило ему помочь... или хотя бы взглянуть.

– Кто здесь? – в донесшемся из зарослей краснотала голосе чувствовалась такая дикая боль, что Рад невольно замедлил шаг, а затем и вовсе остановился, едва только выглянув из-за веток.

Едва только увидев лежащего в траве человека... полуголого окровавленного мужчину, все тело которого покрывали ужасные струпья. В груди его торчала стрела, и было хорошо видно, что жить несчастному оставалось уже недолго. Впрочем, и без стрелы он не протянул бы долго. Родион это понял сразу, как только незнакомец закашлялся, сплюнув пенистую кровавистую мокроту... кишмя кишевшую болезнетворными палочками чумы!

Нет, конечно, никаких палочек молодой человек воочию не видел, их и востроглазая Хильда бы не увидела – чай, не микроскоп. Не видел, но точно знал – они в этой слюне есть! И – в огромном количестве, если верить прихваченной у доктора книжке. Ну, а как же? Зачем же их, его и Хильду, позвал Влекумер-навий? От черной смерти всех соплеменников спасти, от чумы, значит. Ну, вот она, чума-то!

– Отойди! – повернувшись, князь с силой оттолкнул супругу и не терпящим возражения тоном добавил: – Уходи и жди меня на берегу.

Что-то было в его тоне такое, что заставило гордую княжну молча повиноваться. Откинув упавшую на лоб прядь, Радомир облегченно перевел дух и, посмотрев на умирающего, спросил:

– Кто ты? Чьего ты рода?

Второй вопрос значит в эти времена куда больше первого... особенно – сейчас, для Рада.

– Урмак... Урмак Шишкарь... из рода Старого Ардагаста, что из луговых кулишей... Мое селение... – несчастный снова закашлялся, сплюнул. – Селение...

– Знаю род Ардагаста. Славный род. В твоём селении уже умерли все? – тихо поинтересовался князь. – Отвечай! Ну же!

– Все... один я... вот... – подняв голову, Урмак тут же уронил ее на грудь... повернулся – его начало рвать, все той же кровавой мокротой...

– Они знали, откуда я... – отдышавшись, продолжил несчастный. – Знали... хотели убить... а я думал уйти... не ушел... Только хуже... хуже... хуже... Убе-е-ей меня ради Сварога и Сварожичей, ради Семаргла, светлого Хорса ради. Перуном Громвержцем заклинаю – убей! Уоу-у-у-у...

Он жутко мучился, это было ясно и полному невежде, и уже не хотел, да и не мог, ничего говорить. Только хрипел, плевался... Что ж...

Молодой человек вытащил из-за пояса нож – наборную финку. Убогое оружие таящихся в ночи татей! С такой не выйдешь один на один – ударишь исподтишка, по-воровски, гнусно. Не оружие – падаль. Не жаль...

Ухватив финку за конец лезвия, Радомир, не особо целясь, метнул... Уроки, данные еще старым сигамбром Хлотарем (не последним воином в войске Аттилы-рэксы), не пропали даром. Узкое лезвие, хлюпнув, вошло в сердце. Урмак Шишкарь из рода Ардагаста Старого даже не дернулся. Просто закрыл глаза, словно бы от страшной усталости. Действительно ведь – устал.

– Спи спокойно, славный воин Урмак, – промолвив, князь задумчиво посмотрел в небо. – Хорошо бы тебя закопать, а еще лучше – сжечь, чтоб ни росомаха, ни волк, ни какой-нибудь мелкий зверь не взяли вместе с твоей плотью чуму, не разнесли по округе.

Закопать... Чем только? Оставалось одно – хорошенько запомнить место и послать из селения людей. Людей. Если они еще там есть, в селении. Влекумер-навий много чего нехорошего говорил. Хотя мог и соврать – запросто.

Немного не дойдя по тропинке до берега, Радомир вдруг споткнулся. Да что там споткнулся – кто-то ухватил его за ногу!

Враг! Кто еще может таиться здесь, в зарослях? Кулаком ему в ха...

– Это я, милый. Господи, Хильда? Что она тут...

– Что ты тут...

– Жду тебя. Предупредить. На том берегу реки всадники. Показались – и сразу пропали, спрятались за деревьями.

Рад вскинул голову:

– От кого спрятались? От тебя?

– Если они меня заметили, нам не уйти, – напряженно кивнула супруга.

Радомир крепко сжал ей руку:

– Посмотрим. Пойдем-ка к гати. Чужаки вряд ли в болота сунутся.

Не обращая внимания на колючие, рвущие туники и больно царапавшие кожу на руках кусты шиповника, молодые люди, обойдя холм, пробрались к опушке леса, за которой виднелась знакомая и такая родная трясина. Увы, поглотившая такой хороший автомобиль, даром, что старый.

Сейчас, в солнечных ярких лучах, тронутых прозеленью густого подлеска, жуткая смертоносная трясина казалась веселой лужайкой, этаким английским лужком, полем для гольфа или крикета. Выходите-ка, уважаемые джентльмены, поиграть!

Гать, кстати, была не так уж и заметна, но вот сейчас Радомир точно знал, как и куда идти. Во-он на ту березу! Даже и слегка не понадобится.

– Они слева, – подвернув голову, быстро шепнула Хильда. – Прячутся за можжевельником.

– Справа – тоже, – князь прищурил глаза. – У чахлых берез. Трое... Нет, четверо. Все – пешие. Куда они дели коней?

– И зачем вообще спешились?

– Значит, знают, куда мы будем бежать. И знают дорогу – гать.

Юная княжна сверкнула глазами – словно бы взорвалось осколками небо:

– Что же, это – свои?

– Надо проверить, любовь моя. Надо проверить! Добежать до гати успеем... Кабы не стрелы...

– Не будут стрелять, – Хильда дернула головой. – Кусты да деревья мешают.

– Тогда – вперед! Все равно другой-то дороги нет. Ты – меж берез, я – ракитником. Рванули!

Супруги переглянулись и, словно почуявшие след гончие, резко сорвались с места, со всех ног бросившись к трясине. Похоже, нынче это была их единственная защита. Враги – а в эту жестокую эпоху всех чужаков априори следовало считать врагами – тут же и проявили всю свою сущность. Выскочили из зарослей, погнались следом, потрясая короткими копьями и топорами.

– А ну, стойте!

– Лови их, лови!

– Слева заходи, слева!

Мелькали перед глазами невысокие елки и вереск. Зачавкала под ногами болотная жижа. Еще рывок... и – вот она – гать! Родная.

– Сунуться – они за нами не сунутся, – на бегу успокаивал сам себя Рад. – Себе дорожке. А вот стрелами вполне могут достать. Если подсуеятся.

Гать петляла, скрывала беглецов кривыми деревьями и камышами, так, что в какой-то момент, оглянувшись назад, князь с удовлетворением отметил, что теперь их уже и стрелами не достанут. Ни его, ни – тем более – ушедшую вперед супругу. Не достанут.

А вот – фиг!

– Пригнись! – упав лицом в гать, громко закричала Хильда.

Рад уклонился, услышав характерный свист стрел. Стреляли где-то впереди. С мыса! Но... как они туда попали? А так и попали – по гати! Значит... знали? Получается, так.

– Эй, вы окружены, поднимайтесь! – послышался торжествующий крик. – Поднимайтесь же, вам не уйти!

И сзади, и спереди, по гати торопливо пробирались вооруженные копьями воины, даже слева – казалось, прямо по трясине – шли. Ага... похоже, там была отвертка на маячивший у дальнего берега островок, поросший мелкими сосенками. А Рад и не знал, надо же. Впрочем, болото располагалось ни на чьих землях – на меже, между родом Радомира и другими родами. Много кто мог о гати знать, да и достроить ее могли запросто, или вообще – перестроить за какой-то своей надобностью.

– Поднимаемся, милая, – повернув голову, негромко произнес князь.

Хильда дернулась:

– Сдаемся, что ли?

– Пока... А там посмотрим.

И правда – пора уже прикинуть, что к чему, оценить ситуацию. Радомира, к примеру, очень сильно интересовало – кто все эти люди и откуда они здесь взялись?

– Зря платье стирала, – укоризненно покачав головой, юная женщина поднялась на ноги.

Рад глянул на нее и не смог удержать улыбку – слишком уж забавно выглядела супружница. Грязное, буровато-серое платье, такие же бурые щеки, в волосах – ряска. Русалка, а лучше сказать – настоящая болотная ведьма. Впрочем, молодой человек понимал, что и сам

сейчас выглядел ничуть не лучше. А ведь в эти суровые времена именно по одежке и встречали, без всяких скидок на обстоятельства – болото – не болото, и грязь – не грязь.

– Вяжи их, парни! – подбежав, скомандовал высокий юноша с редкой рыжеватой бородкой и небольшими усиками. Одет он был так себе – рваная, штопанная местами туника из простой сермяги, поношенная шапка, отороченная беличьим мехом, старым и уже порядком таки полысевшим. На ногах – плетеные из кожаных ремней башмаки – поршни, широкий охотничий нож за поясом, а на перевязи – меч. Похоже, неплохой меч, судя по украшенным золочеными фигурками зверей ножнам, скорее всего – готский. А парень-то сам из словен – это поговору ясно. Однако не все словене друг другу друзья, кровная месть частенько меж родами случается. Узнать бы поскорей – чьего они рода?

Пока вязали, пока вели – по едва заметной и, вероятно, недавно положенной гати – на островок (тот самый, с сосенками), князь пристально всматривался в пленивших его воинов – а их внешний вид мог сказать многое. Человек с дюжину – всего-то! – правда, это может быть просто небольшой охотничий или разведывательный отряд, все – молодые парни, старшему – с рыжей бородкой – лет, наверное, двадцать, остальным – от четырнадцати до двадцати, некоторые вообще выглядели отроками. Одеты точно так же, как и вожак, – в рубища, у многих сквозь прорехи зияла кожа. Мало кто в поршнях, большинство – в лаптях, а кое-кто из младших и босиком. Волосы у всех нечесаные, руки – в цыпках... этакий одичавший пионерский лагерь. И оружие – обычные охотничьи, без всяких изысков, луки, рогатины, кое у кого за поясом – топор, опять же – самый обыкновенный, которым и дрова и черепа вражьи одинаково сподручно рубить.

С любопытством разглядывая своих конвоиров, пленники шагали молча, не их воля была выпрашивать, да и невместно – Радомир с Хильдой все ж люди знатные, а эти? Кто их знает? Голь перекатная. Скорее всего, из разных племен сброд. У одного по вороту и подолу рубахи – уточки вышиты, так у тех, что у широкой реки живут, делают, у другого – забавный травяной узор – цветики-семицветики – так у лесных родов принято, у третьего... у третьего вообще – волк, как у готов. Сброд! Сброд! Бродники. Кто ж еще-то?

А не напугать ли их? Давно пора бы!

Между тем, гать наконец кончилась, и пленники вступили на твердую почву небольшого, окруженного непроходимой болотной трясиною островка, вблизи имевшего вполне жилой вид – меж соснами прятались крытые лапником шалаши и землянки. Рядом, на небольшой полянке, уютно горел костер, у которого хлопотали двое пареньков лет по двенадцати. Ни одной женщины видно не было, что вызвало вполне обоснованные опасения Рада. Князь тревожился за супругу.

– В поруб их, – подходя к костру, распорядился старший. Потом тут же передумал и махнул рукой. – Нет. Сначала допросим.

Говорил он, смешно растягивая гласные, как делали люди равнин – «в по-оруб», «допросим».

– Как скажешь, вождь. – Один из конвоиров, резко схватив пленника за плечо, развернул его лицом к старшему.

Этот уже говорил без всяких вывертов, так, как привык Радомир. Ну, точно – сброд. С миру по нитке.

Усевшись на старый пенек, как видно, специально притащенный на островок – для пущей важности, рыжебородый недобро глянул на пленников и наконецто соизволил поинтересоваться их родом-племенем. Раньше-то не сообразил, некогда было.

– Я – Радомир-князь, из славного Доброгастова рода! – гордо вскинув голову, заявил молодой человек. – А то – супруга моя, Хильда. Скорей развяжите нас... наш род силен и властвует в этих местах.

Слова Рада неожиданно вызвали смех – совершенно искренний и детский.

– Ха! – выкрикнул кто-то из младших. – Эта замарашка – жена князя?

– А сам-то князь! Хорош – видали?

– Этак и я князем прозовусь! А что? Одежка у меня такая же грязная.

– Цыть! – прикрикнув на своих, рыжебородый сурово глянул на пленников. – Советую говорить правду. Хотя... могу сказать ее и за вас, – вожак скосил глаза на своих соратников, видимо, в предвкушение чего-то такого, что еще больше поднимет его авторитет, заставит уважать еще более.

Он даже поднялся на ноги, положив руку на меч – постарался, чтоб всем были хорошо видны богато украшенные ножны. М-да-а, что и говорить – оружие знатное. Не по Сеньке шапка!

– Слыха-ал я о Доброга-астовом роде и про Раадомира-князя ведаю, – медленно промолвил вожак. – Только Ра-адомир-князь с супругой своею еще во прошлое лето сгинули без следа. А селение Доброгастово давно уж пусто – мор давно всех повыел.

– Как это – пусто? – озабоченно переспросил князь. – Что еще за мор?

– А то ты не знаешь! – собеседник неожиданно ухмыльнулся и продолжал дальше уже много жестче: – Посейчас много таких, ка-ак вы, шляется. В выморочные селища заходят, оружие, платья берут, потом выдают себя за лучших людей, а сами – бродяги. Не похож ты на князя, а уж про эту замарашку и помолчу... – ослабившись, рыжебородый посмотрел на своих. – А может, отмоем ее, парни? Попользуем, перед тем, как...

– Эй, эй, – поспешно оборвал его Рад. – Что это вы собираетесь с нами сделать? Предупреждаю – это наша земля!

– Молчи лучше! – гневно сплюнул вожак. – Убийцы! За что вы убили славного Урмака? Что он вам сделал?

Урмак? Князь задумался и побледнел. Ну, конечно – тот самый, чумной. Так что же – выходит, за ним и Хильдой следили давно? Ай-ай-ай – плохо дело.

Рыжебородый, шелкнув пальцами, приказал:

– Друже Борич, расскажи всем, как было дело?

Радомир закусил губу: на ровную площадку, меж пнем предводителя и горевшим костром, вышел молодой, лет пятнадцати-шестнадцати, парень, настолько похожий на Хильду, особенно – издалека, что князь поначалу принял его за брата-близнеца собственной супруги, ежели таковой бы у нее имелся. Черты лица, тонкие руки, рост и, главное, волосы. Такие же длинные, прямые, цвета белого золота, словно жемчужносерые облака в прояснившемся после бурного дождя небе. Глаза вот только серые, а в остальном... Хорошо, что Хильда была сейчас в болотной грязи.

Волнуясь, Борич быстро рассказал о том, как следил за «грязным здоровяком» (Рад даже покоробился – ничего ж себе, обозвал!) и его девкой. О том, как «они преследовали Урмака, шли за ним по тропе»...

М-да, наверное, со стороны именно так все это и выглядело.

...они же и подстрелили его, ранили.

А вот это – враки!

...а потом «грязный здоровяк» добил несчастного «гуннским ножом».

Хм – гуннским. Скорее уж тогда – финским.

– Ты взял нож, Борич? – тут же переспросил главарь.

– Я послал за ним Гостоя, брата.

Сам же преследовал «здоровяка». Рыжебородый повернул голову:

– Гостой, покажи ножик!

– А вот! – выскочивший на поляну парнишка – маленький, русоволосый и грязный – с гордостью вытащил из-за пояса финку: – Борич-брате разрешил мне оставить ножик себе!

Слушавший всю эту глупую похвальбу Радомир прикрыл глаза от ужаса. Ой, дураки... Во, придурки-то! Чума ведь, Господи! Мальчишечка этот, Гостой, точно уже инфицирован... а может, и все остальные.

– А теперь я расска-ажу, зачем вам понадобилось убивать Урмака, – отпустив жестом руки Борича с Гостоем, вожак уселся на пеню. – Вы выследили его у реки, шли по пятам, думая, что несчастный Урмак приведет вас в селение. В выморочное селение, где вы рассчитывали пожить, как, видно, делали уже не раз! Вы хорошо видели, что боги уже отметили Урмака черной печатью смерти, и надеялись, что он приведет вас в свой дом. Но он не привел. И тогда вы захотели взять то, что, может быть, есть у него – хоть что-то, не зря же следили, шли. Гнусные побирушки! Шака-алы! Урмака мы похоронили там, у реки... а вы умрете здесь! Хотите знать, как? Мы еще не выбрали... но скоро выберем и вам, конечно, расска-ажем.

Закончив речь – надо признать, для своего времени весьма грамотную и эмоциональную – вожак бродников повелительно махнул рукой:

– В по-оруб!

Четверо воинов... хм, воинов, обычных парней... подхватили пленников под руки, кинув в сырую землянку с мощным накатом из толстых стволов и массивной дверью... даже, лучше сказать, крышкой – крепкой, сколоченной из толстых досок. Задвинули, навалили сверху тяжелый валун. Развязавшись, Рад попробовал было приподнять – да где там! Люк не поддался ни на йоту.

Даже Хильда хмыкнула:

– Зря стараешься – камень-то, поди, вчетвером ворочали.

– Да хоть вшестером! Эти-то доходяги.

– Хорошо хоть, вместе нас держат, – прошептала юная женщина.

– Да уж, вместе куда веселей, – князь прищурил глаза.

– Веселей, – согласилась супруга. – И думается куда как легче. Ты того парня, Борича, приметил?

– На тебя который похож? А глаз твой востер, милая.

Пленники быстро осмотрели свое узилище, а, поскольку было довольно темно (солнечный свет проникал лишь сквозь не столь уж и широкие щели), то и обшарили буквально каждую пядь. Под ногами хлюпала вода, что и понятно – кругом-то болото – во весь рост не выпрямиться даже Хильде, не говоря уже о князе – он-то вообще парнем был рослым. Как его местные бродники прозвали-то? «Грязный здоровяк». Молодой человек хохотнул.

– Ты чего смеешься? – дернула Хильда.

– А славно мы влипли!

– Не вижу ничего славного. Думать надо, как выбраться отсюда да поскорей. Казнь нам придумают лютую.

А вот в этом Рад ни капельки не сомневался. Уж конечно, просто так, на елке или сосне, не повесят, заставят помучиться, чего-нибудь этакое учудят. Во-первых, потому что подростки вообще по натуре народ жестокий, а во-вторых – и в главных – рыжебородому главарию утвердиться надо! Ну, и заодно – немного развлечь свое сопливое воинство.

– Эй, вы там! – заглянул в щелку какой-то пацан. – Знаете, какую смертушку примете? Корнованием вас будут казнить, вот!

Рад, конечно, тоже мог бы сказать, какую смерть примут все эти мальчишки, и уже очень скоро... Кстати, довольно лютую – чума-с!

– Попить чего-нибудь принеси, малахольный!

– Корнование... – Хильда невольно содрогнулась. – Сосну высоченную к земле пригнут, подкопают немного корни... потом под эти корни – нас, связанных. Сосну отпустят, и...

– Дальше можешь не рассказывать, – передернул плечами князь. – И без того, поверь, жутко.

– Я это к тому, что нам быстрее соображать надо! Хм... быстрее. Кто бы спорил-то? – А девку – так сперва вымоем, а потом... ц-ц! – притаившийся снаружи парнишка аж языком прищелкнул – то же еще, эротоман юный, насильник. Ага! Не ушел поганец, подслушивал... Ладно...

– Борич этот... – не очень громко, но, вместе с тем и так, чтобы было достаточно хорошо слышно, протянул Радик. – Я ведь из их рода знал многих. На борах они жили, у реки.

– Откуда ты знаешь, что...

– Тс-с!!! – князь приложил палец к губам и тихо шепнул: – Поддакивай, любя.

– Знал и Келагаста, и Ятвига, Витенегу с Дорогобугом, Славок, Радов, а девки... какие там были девки! Грудь – во! Веселые.

– А я охотников тамошних встречала, – на голубом глазу (а ведь действительно – на голубом!) поддержала Хильда. – Медведя, Волка, Рысь... так их звали, кажется.

– А я и парней многих знал – Окуня, Ерша, Налима... То-то этот Борич мне таким знакомым показался. Да и старшой их... Из его рода я, верно, тоже многих знавал. Поговорили бы, может, кого и вспомнили бы.

Радомир точно знал, какие имена перечислить – самые распространенные. К тому же, раз Борич – значит, род на борах жил, а боры – на западе, у широкой реки – значит, и охотники, и рыбаки... супружница тоже не дура, сообразила быстро.

Рад закусил губу – информационную бомбу вбросили. Теперь осталось лишь ждать, что из всего этого выйдет. Ждать и немного – чуть-чуть – подготовиться. Веревочки примастырить, а вот тут, в песке – камушек остался, а на стеночке жердь прилегает неплотно... вытащить. Все, все в ход пойдет. Как говорит старинная английская пословица: «Используй все, что под рукою, и не ищи себе другое».

Интересно еще – кому доложит мальчишка? Вожаку? Или Боричу? Или – им обоим вместе? Может, правда, и вообще никому ничего не сказать, хотя – зачем тогда подслушивал? Главарь послал? А зачем ему? Он даже и слушать-то пленников не стал, сам за них все высказал, как в старинном советском фильме «Неисправимый лгун» главного героя начальник. Значит, не главарь, скорее всего – собственная инициатива, любопытство разыграло – такой уж возраст. А говорит парнишка – привычно, гласные не растягивает. И Борич не растягивает. А вождь для них по крови – никто, человек временный, просто главарь шайки, сброды...

– Эй, вы там? Что про боры говорили? Ага! Не прошло и года! И произнесли-то – не «бо-оры», не «гово-орили»...

Неужто, сам Борич пожаловал?

– Воды принеси. Больно уж пить хочется.

– Да и поесть бы не худо, – вздохнув, добавила Хильда.

Князь усмехнулся: действительно – и поесть.

– Ждите...

А парень-то – кто бы он там ни был – говорил не очень громко. Таился? Внимания сотоварищей на себя обращать не хотел? Услышав удаляющиеся шаги, Радомир припал глазами к щелке, всмотрелся... За спиной уходящего парня развевались светлые локоны... Он! Тот, кто и нужен! Борич!

– Та-ак... что там у нас рядом с узилищем?

– В двух десятках шагов на восход солнца – становище, шалаши да землянки, – деловито, словно старавшийся угодить взводному новобранец, отрапортовала Хильда. – Рядом с ним – поляна, костер – там они все сейчас и сидят. На вершине сосны, той, что у гати – гнездовье.

– Что еще за гнездовье? – не понял молодой человек.

– Ну, сторожа там – двое с луками. А внизу – кострище, видать, по ночам костер жгут. Мышь незамеченной не проскочит.

Ишь ты, заметила, востроглазая. А Рад вот, даже внимания не обратил, вокруг-то осматривался внимательно, да, а вот головы не поднял. Так и понятно... Родион вдруг вспомнил старый, еще до армии, случай, когда с одним из старших приятелей-туристов решали, где бы выпить прикупленное по случаю пиво. Прямо на улице? Как-то стремно. А прятаться особо не хочется – погода стояла клевая, да и девчонок знакомых ждали. Вот приятель и предложил сесть прямо в виду главной улицы, на горюшку. Радик вначале замялся – как так? У всего городка на глазах! А приятель-то и объяснил, что не на глазах вовсе. «Вот ты, Радик, когда по улице идешь, часто голову вверх задираешь? Нет? И я – нет. И все так же».

Точно вот так и здесь, с «гнездом» этим, вышло. А Хильда-то все усмотрела... как и любой житель этой эпохи.

Значит, у выхода с островка – часовые, наблюдательный пост!

– Ага, идет, – обернулась от щели княжна. – Во-он из-за можжевельника вышел. Не видно, чтоб нес чего-то. Ни котелка, ни...

Послышались быстро приближающиеся шаги, сверху что-то загремело... Борич откатывал камень? Один? Впрочем, если использовать в качестве рычага слегу – почему бы и нет? Вот только, как он этот валун назад вкатит? А так же, как и скатил – рычагом, слегою. Однако ну и дисциплинка у них: захотел с пленниками поговорить – пожалуйста. Пацан захотел – пацан сделал. Да откуда тут дисциплине взяться, разве что только от сырости? Чай, не воинское подразделение, а так, непонятно кому подчиняющийся сброд, где авторитет вожака держится только на силе.

– Пейте! В небольшую щель опустилась худенькая рука с плетеной баклагой...

Радомир тут же схватил неосторожного юношу за запястье, резко на себя дернул... еще раз, еще... Не отпуская врага, отодвинул крышку. Затянув вражину внутрь, для верности ударил в челюсть. Парнишка обмяк.

– Переодевайся! – живо бросил молодой человек, сам же осторожно выглянул наружу.

Никого, ни единой живой души поблизости не было – даже у костра на полянке никто не сидел, да он и потух уже, костерочек. То еще воинство... Кто-то – видно было отсюда – даже дрыхнул в кустах, на мху, не хватило терпения добраться до шалаша или землянки. А что – после сытного-то обеда... До сих пор на всю округу такой дух стоял – просто текли слюнки. Особенно – у голодных пленников.

– Я их отвлеку, а ты давай, по гати, через болото, – выглянув из кустов, князь поднял голову, угрюмо обозревая устроенный на старой корявой сосне пост. Двое с луками. И гать перед ними внизу – как на ладони.

– Милый, давай вместе уйдем!

– Вместе тогда и погибнем, а так... Ведь Влекумер для чего-то нас звал. Истр и все наши где-то рядом, ты их, родная, сыщи, а я уж тут продержусь как-нибудь.

Хильда кивнула – понимала супруга с полуслова. В короткой тунике, с крепкой рогатиной на плече (ее-то и использовали в качестве рычага) – светлые локоны кое-как ремешком кожаным стянула, – вылитый Борич, ежели издали глянуть. Да и не только издали. Лишь бы не окликнули, ничего не спросили – голосто девичий тонковат. Ладно – у супружницы ноги быстрые.

– Готова, милая?

– Угу.

– Да поможет нам Господь!

Перекрестившись, молодой человек отошел в сторону, за сосну, шагов на десять, подобрал с земли коряжину, примерился и швырнул прямо в «гнездо».

Двое юнцов – те еще часовые! – обернулись сразу. Эх, дурни, сразу видать, не заставляли их господи сержанты по ночам устав гарнизонной и караульной службы учить! А то бы знали, что с кем-либо разговаривать часовому строго-настрою запрещается. Ишь, шеи вытя-

нули, птенцы. Швырнуть в них, что ли, камешек поувесистей? Хотя бы одного-то запросто можно сшибить. Однако другой тут же тревогу поднимет. Опасно... да и луки у них, а стреляют даже такие вот юнцы – с детства.

– Ветром, верно, сук высохший ото-орвало. «Ото-орвало», угу... вожака землячок.

– Вон с той сосны. А второй слова не растягивает. Первый – «землячок» – обернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.